

ПРАВИЛА КОЛИНА ВУДРОУ

Глава 1

— Дэйв! Дэйв, ты слышишь меня? Дэйв? С тобой все в порядке?

Я поднял голову и огляделся. Полупустой офис. Внутренний свет помещения в панорамных окнах Сити Скай Билдинг. Мерцающий экран монитора, по периметру оклеенный гирляндами стикеров с телефонными номерами и фамилиями. На столе — акты, накладные, договоры, бумаги, бумаги, бумаги... Три цветных маркера. Фотография Дженифер. Пять лотков, почти до краев наполненных документами. Кружка с оранжевой надписью «Осторожно — яд». В ней — кофе. Или чай. Не важно. Книги «Переговоры для чайников», «Креатив для начинающих» и «Маркетинг Индастриз. Руководство сотрудника». Голова Гейла Нолти в углу помещения слева от меня — торчит из-за перегородки. Как всегда, взъерошенная и напряженная. Голова что-то говорит, но я не могу разобрать что. Итальянский костюм Роберта Кертиса. Пристальный взгляд Роберта Кертиса. А, это и есть сам Роберт Кертис.

— О, мистер Кертис, прошу прощения. Отключился. Да, спасибо. Я в порядке.

Я попытался выпрямиться в кресле.

— Выглядишь не очень, Дэйв. Я ценю твое усердие, но ни к чему так жертвовать собой. Посмотри на часы.

Я скосил взгляд на монитор и постарался различить цифры в углу экрана. Часы показывали 10:30 вечера.

— Много работы, сэр. Вы же знаете, перед Рождеством заказы всегда сыплются, как мелочь из автомата, когда заказываешь кофе за 50 центов, а мельче купюры, чем десятка, нет. Завтра Саймон встречается с Фиджи... Хиджи... Или нет, кажется, Фуджи... Да, Фуджи Китано. Потом у него встреча в «Джонсон и Ко», затем небольшая речь на выставке, дальше... В общем, нужно подготовить для него портфолио из некоторых наших заказов и бланки договоров. Мистер Шекли серьезно намерен натянуть на голову Китано и иже с ним рождественский колпак обещаний, присыпав его сахарной пудрой. Я не могу подвести. Поэтому я все еще здесь.

Тонкие прямые губы Кертиса изображали улыбку. Он действительно был доволен.

— Молодец, стажер! Если и дальше будешь так же работать, тебя ждет большое будущее. — Его голос звучал громко и твердо даже сейчас, в этот поздний час.

Роберт Кертис был заметной персоной. Рослый, крепкий, плечистый. Обязательный черный итальянский костюм подчеркивал монументальность его фигуры. Глубоко и близко друг к другу посаженные глаза никогда не выдавали настоящих чувств этого человека. Казалось, что бы Кертис ни говорил, что бы ни делал, взгляд его не менялся — взгляд руководителя.

— Конечно, сэр. Постараюсь вас не подвести!

Мистер Кертис похлопал меня по плечу.

— Только помни, стажер, компания не платит тебе за то, что ты сидишь здесь до полуночи. Мы платим тебе за рабочий день: с девяти утра до шести вечера с перерывом на обед с двенадцати до часу. И за твой результат, разумеется. Да, не забывай про оплачиваемый отпуск и медицинскую страховку!

Он говорил словно бы шутя, но я-то понимал, что это никакая не шутка. Это факт.

— Да, да. Я рад, что работаю здесь, мистер Кертис. Надеюсь, смогу выполнить поставленные задачи и перейти на новую должность.

— Наша компания тоже на тебя рассчитывает, Дэйв. Завтра, как обычно, в девять.

Он присел, прицеливаясь в меня воображаемым пистолетом и подмигивая. В ответ я улыбнулся.

Мистер Кертис симпатизировал мне. Я никогда не опаздывал, ответственно выполнял все поручения, усердно работал, стремился вверх. Таких, как я, руководители любят. И на таких, как я, делают ставку, хотя и не всегда показывают это.

Как я относился к мистеру Кертису? Он был другом моего отца. Роберт Кертис появлялся на днях рождения членов нашей семьи. Они с отцом часто пропадали вне дома. А когда мы с отцом отправлялись на рыбалку, мистер Кертис тоже был с нами. Поскольку он был с моим отцом, а старших следовало уважать, я старался быть учтивым. Хотя и не любил проводить время со взрослыми. Я не знал, о чем говорить с мистером Кертисом. Может быть, оттого, что у него не было детей, он не мог найти ко мне подход.

Когда год назад я уходил с предыдущего места работы, отец рассказал мне о «Маркетинг Индастриз». Я старался оценить предложение по объективным критериям: не обанкротится ли компания через месяц после того, как я устроюсь, прибыльна ли эта отрасль, каковы перспективы карьерного роста в компании. В общем, обычные вещи, на которые всегда советуют обращать внимание при выборе нового места. Я старался абстрагироваться от того, что Роберт Кертис друг моего отца, поэтому в работе никогда не допускал панибратства. Ударить в грязь лицом, подвести отца и самого мистера Кертиса я не мог и старался хорошо исполнять то, что мне поручалось.

Роберт Кертис был жестким и порой непредсказуемым человеком. Его настроение могло измениться в доли секунды. Пожалуй, именно в отношении меня он был более требовательным. Но, если честно, мне больше помогло бы его участие в моих делах. Хотя, наверное, у него и без меня полно забот.

Кертис исчез за моей спиной. Что сам он так поздно делал на работе? Вероятно, так же, как и я, он хотел получить новую должность, лишнюю неделю отпуска, служебную машину, дополнительную страховку, долю в бизнесе и бог весть что еще. Кертис был помешан на работе, которая, он считал, должна обеспечить ему стабильность. Я, по его мнению, не мог не добиваться того же. Наверное, он чувствовал что-то вроде обязанности перед моим отцом — сделать меня обеспеченным человеком. Нет, конечно, я все делал самостоятельно, и никакого лоббирования со стороны Кертиса не было. Но он иногда слишком сильно втягивал меня в те вопросы, которыми занимался сам.

Дверь за Кертисом закрылась. Я расслабил затылок.

Ночь часто заставляла меня на работе. За окнами офиса дневной свет сменялся уличным освещением, но я не замечал этого. О том, что рабочий день давно закончен, я, как правило, узнавал от своих коллег. Если хочешь жить достойно, ты должен всего себя посвящать работе. Так я считал.

Стажером мистер Кертис называл меня по привычке и по необходимости. На самом деле я уже год был официальным помощником менеджера по рекламе. Нравилась ли мне эта сфера? Я не задумывался. Но я точно знал, что должен иметь свой дом, пусть и небольшой, уделять внимание Дженифер и выглядеть достойным человеком в глазах ее семьи. Я должен был на ней жениться. Потому что любил. А еще я должен был помогать своим родителям.

Родители были в разводе. Мать жила с двоюродной сестрой. Отец в свои пятьдесят нашел новую спутницу жизни. Богаче от этого он не стал, скорее наоборот — взял на себя ее большие и малые долги. Впрочем, я не лез в эту историю. Отец был способен самостоятельно принимать решения.

Наш офис занимал двадцать четвертый этаж. Здание целиком принадлежало «Маркетинг Индастриз» и располагалось в центре района Ист-Парк. Сейчас в отделе почти никого не было. Свет горел только в нашем отделе и в отделе креативных разработок, слева от меня, в углу офиса — там, где я несколько минут назад обнаружил говорящую голову Гейла. Перегородки — примерно на уровне шеи — вместо стен существенно экономят материалы. К тому же такой способ организации рабочего

пространства способствует эффективному контролю начальства над своими подчиненными.

Я подумал, что пора и мне собираться. Закрыл все приложения на компьютере, записал в электронный ежедневник на завтра большими буквами: «Договориться с Богом об увеличении продолжительности рабочего дня». Затем положил маркеры в пенал для канцелярских принадлежностей — маркеров должно быть обязательно три: желтый, красный и зеленый, каждый для определенного уровня важности отмечаемой задачи. Аккуратно распределил документы по лоткам — чем правильнее разложишь бумаги, тем быстрее найдешь нужный начальнику документ. Передел обуви — так было заведено: все должны были иметь сменную пару обуви. Наконец, допив остатки зелья — в кружке оказался все-таки кофе, — посмотрел по сторонам.

Гейл Нолти, креативный дизайнер и мой большой друг, по телефону выбивал дорожки для боулинга в одном из местных развлекательных центров. Гейл, большой любитель развлечений, ни одному занятию не предавался с таким удовольствием, как катанию шаров. Вроде бы он даже участвовал в первенстве штата. Вечеринки, клубы, пабы, боулинг, тусовки вообще были его стихией, несмотря на то, что совсем не юному, слегка обросшему пузцом Гейлу, казалось бы, такое времяпрепровождение уже не к лицу. Гейлу Нолти накануне стукнуло тридцать четыре. Он был среднего роста. Чуть пухловатое лицо, борода. За затемненными линзами бордовой оправы скрывались серо-голубые глаза. Может быть, благодаря этим глазам его легко принимали женщины, хотя рубашка Нолти вечно торчала из его неглаженных штанов. Женщины принимали и любили Гейла, наверное, потому, что он был добрым, пусть и слегка неуклюжим. А я точно знал, что он профессионал и творит безумно красивые вещи. И когда я пришел в «Маркетинг Индастриз», именно Гейл Нолти стал моим наставником. С первого дня между нами завязалась настоящая дружба. К этому времени мы прошли уже сквозь огонь и воду. Совместные развлечения в боулинге сменялись иногда скорой после лишнего спиртного. Хорошо, что таковые, то есть скорые, повторялись не часто. Происходило это с Гейлом — я почти не пил. Считал, что ни к чему подвергать себя еще одному стрессу — и без этого хватает.

Гейл кричал в трубку, по всей видимости, на менеджера, который не соглашался отыскать свободную дорожку. Еще бы! Заказ на вечер пятницы, сейчас, когда поздний вечер четверга, — задача, непосильная даже для Гарри Гудини! Негодование густым облаком с искрящимися сквозь него молниями повисло над закутком Гейла.

— Черт бы вас всех подрал! — резюмировал он, бросая трубку. — Дэйв! Ты здесь еще? Я же знаю, ты еще здесь. Дэйв! — Голова Гейла снова показалась над перегородкой и посмотрела в мою сторону. — А, ты опять в своей «рубашке четверга».

— Ага, — отозвался я.

По четвергам я всегда надевал синюю рубашку. Синий успокаивал после половины рабочей недели и позволял провести пятницу без срывов.

— Пойдем со мной в бар, хочу напиться.

— Гейл, ты неисправим! — рассмеялся я. — Прости, старина, но сегодня я пас.

На карте стояла моя дальнейшая карьера в компании, сейчас нельзя было допускать промахи. По крайней мере, не в разгар рабочей недели. Тем более в пиковый сезон. А зная пристрастия Гейла, такой промах допустить можно было на раз-два.

— И ты, Брут! — заключила голова Гейла и снова исчезла за перегородкой.

Я улыбнулся и посмотрел на улицу. За окном оживал ночной город. Потоки машин огненно-желтым узором шивали улицы и районы. Зажигались окна ночных кафе, ресторанов; кинотеатры спешили рассказать о самых ярких фантазиях режиссеров. Кто-то только возвращался домой, кто-то уже из дому шел навстречу барам, вечеринкам, ночным приключениям, да просто глотнуть свежего воздуха. Через квартал к востоку — каток, сейчас полный. Круглый год лед — искусственный сменялся с конца декабря настоящим

— позволял не забывать о своем увлечении сотням молодых людей. Впрочем, и пожилые старались не отставать от молодежи.

— Так, ребята, мне пора. Всем до завтра!

— До завтра, мистер Кертис, — едва ли не хором ответил офис.

Роберт громко закрыл свой кабинет и уверенно двинулся к лифту. Там его ждала Ванесса Пэйдж — она работала в отделе логистики. Ванесса была намного младше Роберта, почти моя ровесница. Высокая, с длинными черными волосами, карими глазами на красивом волевом лице, она, безусловно, была хорошим выбором для любого мужчины. Не одно сердце в стенах этого здания испытало муки, пленившись прекрасным телом Ванессы. С Робертом она встречалась уже несколько месяцев; в отделе поговаривали, что это всерьез, и, наверное, навсегда. Я знал Ванессу. До мистера Кертиса она долго встречалась с одним парнем из компании, которая поставляла нам оргтехнику. Я видел его пару раз. Ничего особенного. Он был моложе Ванессы — ей нравились «молодые». По ее словам, он был очень ревнив — как говорят, ревновал к каждому столбу. Даже не разрешал ей носить платья с глубоким вырезом. Я знал, что ничего у них не выйдет. Знал, потому что нравился Ванессе, чего она не скрывала. Мы иногда разговаривали об этом. Но мне совсем не хотелось иметь подобные отношения на работе, хоть мне и льстило внимание мисс Пэйдж. Поэтому Ванесса продолжала общаться со своим парнем. А теперь она с мистером Кертисом.

— Бегу, милая! Бегу!

Странно, конечно, было слышать эти слова от мощного, жесткого мистера Кертиса. Однако как бы мягко он сейчас ни говорил и каким бы благодушным ни выглядел, вестись на это было нельзя. К работе такое поведение уж точно не имело никакого отношения.

— Не сиди допоздна, Дэйв! — прокричал уже из лифта Кертис. — Завтра важный день!

В ответ я махнул рукой и, посмотрев в его сторону, поймал на себе взгляд Ванессы, в котором все еще был интерес ко мне.

Мне стало жаль ее. Безусловно, такие женщины, как она, — открытые, со своим особым внутренним миром, своими взглядами на жизнь, умные, красивые, в чем-то непосредственные и заслуженно требующие к себе внимания — достойны хороших спутников жизни, которые будут их любить, дорожить ими, восхищаться, с которыми им будет спокойно. Ни предыдущий ее парень, ни мистер Кертис на эту роль не подходили. Впрочем, это был ее выбор.

Я улыбнулся. Ванесса улыбнулась в ответ.

Для того чтобы достичь того, что ты должен достичь в жизни, очень важно не терять контроль над собой. И четко следовать намеченным целям. Это правило никогда не подводит. А так как я сам выполняю это правило, уверен — скоро смогу стать настоящим менеджером по рекламе. Возможно, это заурядно. Но я должен это сделать. Мне нужно позволить себе отдыхать не неделю в год одному и во дворе собственного дома, а два раза в год по две недели и на западном побережье с девушкой моей мечты. Нужно позволить себе ездить на выходные и Рождество к ее семье за город, просить у своего начальника повышения жалованья, претендовать на лучшие проекты на работе, в общем, двигаться вперед. Конечно, для этого мне требовалось работать чуть больше обычного и держать себя в руках. Поэтому мне совсем не нравилось то, что снова может возникнуть между Ванессой и мной. Нельзя этого допускать. Иначе я даже не берусь предполагать, чем это может закончиться.

Двери лифта стали закрываться. Фигура Гейла заслонила исчезающую за ним Ванессу.

— Хороша, правда? — причмокнул Гейл губами и кивнул в сторону скрывшейся пары. — Вы же с ней... Уже того?

— Гейл!

— А что я такого сказал?.. Слушай, старина, я понимаю, что ты любишь здесь ночевать, но я предпочитаю просыпаться не среди степлеров и лотков для бумаги, а среди женского белья! Так что, жму лапу, друг, и — до завтра!

— Только не забывай предохраняться! — Я пожал Гейлу руку. — Я не перенесу вид проваливающегося у тебя носа. Мне твоей бороды хватает.

— Не беспокойся, старина! — Гейл ловким движением руки извлек из нагрудного кармана пачку презервативов. — С банановым вкусом! Девки сходят с ума от удовольствия!

— Не преувеличивай! — расхохотался я.

— Серьезно! Ну, все. Бывай!

Гейл исчез в проеме входной двери.

Я перевел взгляд — напротив меня было рабочее место Саймона Шекли. Обычно он уходил с работы раньше меня, хотя, я знал это, старался мне в чем-то подражать. Конечно, его задевало то, что я быстро со всем осваивался и вскоре мог претендовать на его должность. Но что мне было за дело до его переживаний. У меня была задача — идти вперед. И кредо — верить в настоящее.

Я выдохнул. Голова после тяжелого дня слегка гудела. Клиенты, портфолио, заказы, бумаги — мысли наплывали друг на друга. Я подумал о предстоящем в субботу дне рождения сестры Дженифер. У Дженифер были какие-то идеи насчет подарка, и завтра мы собирались заехать в пару магазинов. Я должен был проявлять учтивость к членам ее семьи и старался делать это искренне или, по крайней мере, так, чтобы все подумали, что делаю это искренне. Отец Дженифер, будучи главой крупного банка, мог здорово помочь мне с покупкой дома, да и вообще в дальнейшем по жизни. В университете преподаватель истории однажды сказал: «Используйте возможность, если она предоставляется вам». Почему-то я запомнил его слова и старался руководствоваться ими в своей жизни. Отец Дженифер был как раз такой возможностью.

Я взял свой телефон и написал сообщение Дженифер, что люблю ее и желаю спокойной ночи, — своим поздним звонком я боялся ее разбудить. Сейчас она много времени проводила с сестрой в приготовлениях ко дню рождения и поэтому могла уставать и рано ложиться.

Мне вспомнилось, что на этой неделе я обещал отцу привезти покрышки. из моего гаража, которые я держал какое-то время у себя после того, как их отремонтировали. Главное, не забыть, думал я. Сестра Дженифер, покрышки, так, еще поездка за город... И завтра — дела, дела, дела...

Моя голова начала снова медленно отключаться. Мне виделся мистер Кертис, который зачем-то копался в моей машине, неожиданно достал оттуда большое колесо, похожее, от грузовика, и вручил со словами: «Это подарок для Дженифер!» Я взял его. Колесо оказалось неожиданно легким. И вдруг меня обступили мои коллеги, возникшие совершенно непонятным образом. Все принялись меня поздравлять. Появился мистер Фуджи Китано, разрезал красную ленточку, которой был обвязан Гейл Нолти. Во рту у Гейла был кляп. Китано извлек кляп — это оказался подписанный контракт, — достал зажигалку и поджег его. Шокированный происходящим, я кинулся спасать документ. Кто-то незнакомый из толпы преградил мне путь, стал удерживать. Я сопротивлялся, кричал, пытался дотянуться до Китано. Он смеялся. Незнакомец сдавил меня. «Ты хочешь нарушить наши правила?», — прошипел он и протянул руки к моему горлу. Он принялся душить меня. Толпа начала неожиданно и быстро разбредаться. Незнакомец сильнее сжимал мне горло. Я задыхался. «Теперь мои руки на твоей шее! И кто же теперь сможет мне помешать, а?» — зловеще проговорил он. Мне стало совсем нечем дышать. От ужаса я очнулся.

В офисе никого не было. Часы показывали уже почти половину двенадцатого ночи. Я перевел дух, вытер холодный пот со лба. Зазвонил мобильный — поступило смс-сообщение. «Черт подери!» — выругался я, вздрогнув от неожиданного звука. Сообщение

было не от Дженифер. От Сильвии Сэйнтс. Но понял я это, только раза с третьего пытаюсь прочитать написанное.

С Сильвией мы расстались не так давно. Инициатива была моя. Слишком много я переживал, слишком много думал о ней. Это мешало. Она считала — я слишком приземлен, неоднократно упрекала меня за это. Я объяснял ей, что должен вести себя прагматичнее, и тогда только смогу обеспечить ее саму и позаботиться о своем будущем. Сильвия не воспринимала мои аргументы. Эмоции, переживания, непредсказуемые смены настроения — выдержать этого я не мог. Я привык жить так, чтобы все было четко, логично, понятно. Влюбленность быстро проходит, и тогда для отношений наступают «рабочие будни». Одних чувств становится ничтожно мало. Требуется нечто совсем другое, к чему Сильвия, на мой взгляд, была не готова. Впрочем, я не сторонник расставаний с нервотрепкой, обвинениями и т. п. Мы старались поддерживать с Сильвией дружеские отношения. И это почти получалось.

В этой смс она спрашивала, как у меня дела, и сообщала, что ей грустно. Вообще, такие смс приходили от Сильвии все реже, да и мне нечего было особо ей писать или о чем-то говорить с ней — мои приоритеты сменились. Я старался поддерживать ее, как мог. По-моему, у нее уже кто-то был. В общем-то, красивая девушка, какой была Сильвия, и не должна была страдать отсутствием мужского внимания. Она обладала сильной притягательностью: белокурые локоны, бархатистая кожа, голубые глаза, чуть пухлые губы, красивая грудь. Последней Сильвия особенно гордилась.

Я попробовал написать, что у меня все нормально и чтобы она не переживала, но после короткого сна мои пальцы с трудом попадали в нужные клавиши. Я решил позвонить.

— Привет, — негромко сказал я.

— Привет, Дэйв, — отозвалась Сильвия. В ее голосе чувствовались одновременно и грусть, и радость. — Как ты? — добавила она после небольшой паузы.

— Нормально, кажется. На работе. Собираюсь домой.

— М-м. Ясно. Я так и подумала. Как обычно, значит. — Сильвия чуть улыбнулась. Я мог это различить. — А мне что-то грустно стало. И... я подумала о тебе.

Если честно, мне не очень нравились такие разговоры — не имело смысла ворошить прошлое. Отношения должны быть честными. И если ты понял для себя, что любишь другого человека, то только ему и следует уделять внимание. Иначе никто не знает, до чего могут довести такие игры. Непредсказуемость не входила в мои правила.

— Сильвия, все будет хорошо, — я попробовал успокоить ее. — Грусть приходит ко всем, это случается. Одна полоса сменяется другой, и завтра снова выглянет солнце, и снова станет светло и весело.

— Да, наверное, ты прав, Дэйв. Но я привыкла делать так, как подсказывает мне сердце, то, что я хочу. Мне стало одиноко, и я захотела написать тебе. И написала... — Чуть помолчав, Сильвия добавила: — И не ошиблась.

Я вздохнул.

— Ну, что же. Это замечательно. Впрочем... М-м, буду надеяться, что подобное состояние будет посещать тебя реже.

— Да, я тоже надеюсь, — тихо добавила Сильвия. — Разве тебе не хочется кому-нибудь написать что-нибудь, или спросить, или рассказать? Мне, например? Ты думаешь обо мне? Хотя... Ты, видимо, занят. Ты на машине?

Я выключил компьютер и стал складывать документы — работу на сегодня необходимо было заканчивать. Как и этот разговор.

— Да, а что?

— Да нет, ничего. Так, просто спросила.

— Сильвия, не грусти. Все будет ОК. И... мне пора уже. Ты пиши или звони. Ты же знаешь — в любое время.

— Хорошо. Конечно, Дэйв. Спокойной ночи. Поезжай аккуратнее.

— Спасибо! Спокойной ночи!

«Так, не забыть про крышки отцу...» — подумал я, напоследок окинув взглядом все помещение. Выключил свет. Проверил, закрыты ли окна. Поставил офис на сигнализацию. Расписался в журнале учета рабочего времени.

Моя машина стояла на подземной парковке «Маркетинг Индастриз». Еще один плюс успешной работы — оплачиваемое компанией место на стоянке. Моя стратегия была эффективна и здесь.

Двери скоростного лифта открылись на втором этаже парковки. В лицо пахнул чуть прохладный воздух, смешанный с запахами резины и бензина — типично для всех закрытых стоянок. Автомобилей было немного — некоторые из сотрудников местных компаний оставляли свои машины прямо здесь, если уезжали на отдых или в командировку. В целях безопасности.

Парковки всегда освещаются достаточно слабо. Собственно, главное, чтобы водитель просто смог дойти до своего автомобиля, не зацепившись за другие. Выйдя из лифта, я по привычке огляделся по сторонам — никого не было. Мой трехлетний «форд» стоял в конце парковки, за колоннами. В мыслях подобные перемещения замечаются редко. Но в тот день сумбурный, будто импровизированный кем-то сон и звонки Сильвии повлияли на мою голову так, что я никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Я шел к машине, нащупывая ключи в кармане, и поймал себя на ощущении, что на парковке я не один. Подобное ощущение возникает, когда, например, кто-то смотрит на тебя, и ты чувствуешь это. Я остановился, прислушался. Стрекошущая тишина флуоресцентных ламп — только и всего. Однако ощущение постороннего присутствия меня не покидало.

Я оглянулся. Лифт давно уехал на первый наземный этаж. В полумраке, конечно, сложно кого-то отыскать глазами. Я принялся вспоминать, были ли случаи нападения на людей здесь или на таких парковках вообще. В памяти всплыло несколько эпизодов ограбления, о них как-то говорили в новостях, даже что-то, связанное с «причинением тяжких телесных повреждений», но, кажется, это было не здесь. «Где же это было?» — думал я. — «Район был этот же, но вот что за здание?..» Я ускорил шаг.

Метрах в десяти от себя я уже видел свой «форд». На душе стало чуть спокойнее. Я старался больше не оборачиваться и поскорее сесть в машину. Я стал доставать ключи и уже поравнялся со своим автомобилем. Ключи зацепились за дно кармана. Потребовалось усилие, чтобы их вытащить, но я недостаточно плотно держал ключи в руке, и, неожиданно отцепившись от кармана, они упали на бетонный пол. В этот момент свет на парковке погас.

«Этого еще не хватало!» — мое сердце начало учащенно биться. Я присел на корточки, инстинктивно развернувшись спиной к машине, чтобы избежать возможного нападения сзади. Видимо, по инерции ключи пролетели какое-то расстояние вперед — мне никак не удавалось их нащупать.

Сердце принялось биться сильнее. Я проклинал все вокруг. Еще несколько секунд — и я готов был броситься бежать до пожарного выхода, а потом пешком — или бегом — добираться до дома. Ощущение присутствия на парковке другого человека никак не покидало меня. Свет появился так же внезапно, как и погас. Я резко повернулся — ключи лежали чуть дальше от того места, где я искал, почти под машиной. Я схватил их и выпрямился, подняв глаза. Метрах в пяти от меня, рядом с машиной стоял человек. От неожиданности и, наверное, волнения мои ноги чуть ослабли. Человек озирался вокруг. Так же, как и я мгновение назад. Не было похоже, что он настроен враждебно, однако приближаться к нему я не стал. Используя правило «лучшая защита — нападение», я крикнул, чтобы попробовать разрядить обстановку:

— Сэр! Простите, вам помочь?

Мужчина на некоторое время отвлекся от своего занятия и повернулся ко мне. Мне не удалось разглядеть его лицо — только общие черты. В общем-то, ничего выдающегося. Широкий лоб, кажется, темные волосы, прямой нос. В фигуре тоже ничего

примечательного — среднего роста, худощавый, одет в джинсы, темно-синюю куртку. Таких много. Зато выделялась его машина — желтый «шевроле-корвет» с двумя спортивными черными полосами через весь кузов сбоку и на капоте.

Человек несколько секунд молча разглядывал меня.

— Нет. Думаю, я справлюсь. Спасибо.

Только потом я понял, что уже слышал раньше этот голос.

Незнакомец снова принялся осматриваться. Я стоял не двигаясь. Мне было необходимо развеять свои страхи.

— И все же! — снова заговорил я. — Вы что-то потеряли? — Я старался скрыть свое волнение в голосе.

Мужчина снова посмотрел на меня, помедлил и сделал шаг в мою сторону. Я отшатнулся, несмотря на значительное расстояние между нами. В голове я уже прикинул, что успею сесть в машину, прежде чем он сможет добежать до меня.

— Я уронил ключи. Впрочем, как и вы. — Он показал пальцем на мою руку и добавил:

— Только вы их нашли, а я еще нет.

С этими словами он опустился на колени и принялся заглядывать под машину.

«А что, если это вообще не его машина?» — подумал я. — «Черт». Я нащупал у себя сотовый телефон. Мне удалось извлечь его и переложить вместе с портфелем, который я постоянно таскал с собой, в другую руку. При этом я старался не производить заметных движений. В телефоне села батарейка. «Боже! Сильвия! Как не вовремя ты появилась!» — воскликнул я про себя.

Незнакомец, уже почти наполовину скрывшись под машиной, неожиданно прокричал:

— О! Нашел!

— Слава богу, а то я начал уже за вас переживать! — попытался пошутить я сухим голосом, собираясь, наконец, сесть в машину.

То, что представилось моему взгляду перед тем, как я отвел его от незнакомца, ввело меня в состояние шока. Сев рядом с машиной, он одной рукой взял ее снизу за бампер и выпрямился, спокойно поднимая полутоннажный автомобиль над головой. Удерживая одной рукой над собой машину, другой, свободной, он подобрал ключи, и так же спокойно поставил машину обратно. Под тяжестью собственного веса «корвет» тяжело ударил колесами о бетонный пол парковки. Все, на что я оказался способен в тот момент, — сказать про себя: «Этого не может быть». Я был ошеломлен.

Незнакомец еще раз посмотрел на меня, бросил короткое «До встречи», открыл машину, сел в нее и уехал. А я все стоял и смотрел ему вслед. Это просто невозможно, — продолжал думать я. Человек не способен на такое, как бы физически развит он ни был... «Дэйв, — сказал я себе, — нужно отдохнуть. Похоже, тебе все это показалось. Просто показалось... Бывает... Уже поздно, усталость...»

Еще и еще раз прокручивая в голове сцену с ключами и отказываясь в нее верить, я завел свой «форд» и медленнее обычного, оглядываясь по сторонам, поехал домой.

Глава 2

Вы умеете спать за рулем? Я почти научился. В многокилометровых пробках утром по дороге на работу только так можно скоротать время. Каждое утро — больше часа под невнятное бормотание утреннего радиозэфира.

Я снимал квартиру в пригороде. Вид миссис Олбридж, каждый день поднимавшейся мне навстречу по деревянной лестнице, не добавлял с утра радости. Миссис Олбридж сдавала мне квартиру и, живя неподалеку, частенько заглядывала проведать свои апартаменты. Я знал, что, пока меня не было, она проверяет, все ли в

порядке в квартире, — но в условия аренды это не входило. Доказательств вмешательства миссис Олбридж в мои, хоть и временные, владения, не было, как и особого желания это проверять. Конечно, это неприятно — когда в твоё отсутствие и без твоего на то согласия посторонние вторгаются на твою личную территорию. Миссис Олбридж не доверяла мне. И вообще людям. Однако я каждый раз улыбался в ответ на её деланную улыбку и спрашивал: «Как ваше самочувствие, миссис Олбридж?» — хотя мне было все равно. Я делал это на автомате — так меня воспитали, так, мне казалось, я должен был поступать, чтобы создать о себе приятное впечатление, а в данном случае — чтобы, к тому же, меня не выдворили неожиданно из квартиры. Снять жильё тогда было очень сложно.

Я посмотрел в окно. Железнодорожные вагоны вдалеке, автопогрузочные платформы, унылые промышленные пейзажи, припорошенные редким снегом. И так — каждый день. Не лучшие картины для созерцания. Я искренне радуюсь, когда в дороге не происходит ничего экстраординарного, и тогда я могу спокойно подремать, добирая сна перед предстоящим бурным днем. Обычно мне тяжело думается с утра.

Та пятница стала неприятным исключением: на подъезде к городу сначала загорелся индикатор неисправности двигателя. А потом и сам двигатель моей машины начал периодически задыхаться, то резко снижая, то повышая обороты, пока вообще не заглох. Перед предстоящими разъездами по дням рождения и прочим делам это было категорически некстати. «Черт!» — выругался я. «Черт! Черт! Черт!» — повторял, пытаюсь завести машину. Звук радио тут же перекрылся гудением клаксонов позади меня. Кто-то высовывался из окон, размахивая руками. «Да погодите вы!» — бормотал я, еще и еще раз пытаюсь завести мотор.

Снег медленно ложился на лобовое стекло. Солнечный диск, еле различимый в утренней дымке, поднимался из-за складов и дымовых труб, отражаясь в окнах многоэтажек в черте города. Гул клаксонов становился невыносимым.

«Да перестаньте вы!» — уже громко говорил я себе под нос, зная, что все равно меня никто не слышит. Сзади заблестели проблесковые маячки, на мгновение взвыла полицейская сирена — по встречной полосе ко мне аккуратно приближалась патрульная машина. Спустя несколько секунд она остановилась рядом со мной. В окно заглянул патрульный. В светло-коричневой шляпе, гладко выбритый, с густыми бровями мужчина лет тридцати.

— Сэр, доброе утро! У вас все в порядке?

Мне хотелось ответить что-нибудь едкое, но я сдержался. Грубить было нельзя.

— Да, инспектор, все нормально. Просто небольшая проблема с машиной.

Патрульный зачем-то достал фонарик и посветил внутрь салона.

— Сэр, у вас есть оружие, наркотики?

Я прекратил заводить машину и изумленно посмотрел на патрульного. Прочитав по его лицу, что чувством юмора он обделен, я ответил:

— Нет, конечно!

Патрульный помолчал секунду.

— Это хорошо, сэр. Попробуйте завести сейчас.

Я спохватился — удивление по поводу полицейского отвлекло меня от процесса — и повернул ключ в замке зажигания. Мотор резво подхватил стартер — двигатель завелся.

— Слава богу! — сказал я вслух.

Патрульный убрал фонарик и снова приблизился к моему окну.

— Сэр, здесь недалеко есть сервис. На вашем месте я бы им воспользовался. Это через один светофор направо, полмили, возле супермаркета «Севен».

Пожалуй, мне стоило послушать этого совета.

— Спасибо, инспектор! Сейчас же заскочу!

Патрульный откозырял, повернулся стоявшим позади и прокричал:

— Проезжай! Проезжай!

Затем он сел в машину и, развернувшись, исчез в зеркале заднего вида.

Я надавил на газ. Несколько выбитый произошедшим из колеи, я недоумевал, как такое вообще могло случиться. Индикатор неисправности двигателя все еще горел.

Автосервис располагался точно там, где указал патрульный, — в рабочем районе. Неподалеку, — сталелитейные цеха и завод по переработке резины. Несмотря на то что здесь окраина города, на такси отсюда до Ист-Парка можно было добраться максимум за тридцать минут. На метро — станция сразу же за супермаркетом — с пересадками до моего офиса минут на пять раньше. Толкаться в подземелье мне совсем не хотелось, поэтому я позвонил Элизабет, нашему секретарю, предупредил, что задерживаюсь по объективным причинам, скинул сообщение Саймону с тем же текстом и заказал такси.

Автосервис занимал одноэтажное здание с выцветшей и обвалившейся местами штукатуркой, когда-то синей. Окна здесь, видимо, никогда не мыли. За оградой — нагромождения полуистлевших кузовов. Старые покрышки, пара спящих собак, запах бензина. Стук молотков, обрывки мужских фраз, переходящих в брань. Я поднял воротник, вжал голову в плечи и направился к входу с небольшим стеклянным окошком.

Обслуживание на окраинах всегда оставляло желать лучшего. Это чувствовалось уже по скрипу входной двери, которого не услышишь ни в одном фирменном сервисе центральных районов города.

Дежуривший ремонтник даже не поднял головы, когда я вошел. Он что-то жевал, смотрел в телевизор и явно был увлечен происходившим на экране. Я знал, что мне стоило готовиться к худшему.

— Добрый день, сэр!

Дежуривший по-прежнему не поворачивал в мою сторону головы.

— И вам. Добрый.

Если честно, меня всегда напрягало подобное отношение к людям, тем более к клиентам. Я привык, что клиента ценят или хотя бы делают такой вид. И делают это не потому, что клиент об этом просит, а потому, что этого от своих подчиненных требует управляющий. Конкуренция, прибыль, стремление быть лучше других, знаете ли. Но что-либо доказывать и требовать соблюдения прав можно там, где об этом знают. Я не был уверен, что сюда современное право когда-либо заглядывало. В сложившейся ситуации я видел единственный выход — пытаться строить «своего парня», как бы противно мне это ни было. Внутренне меня перекосило от этих мыслей.

— Что кажут? — Я начал входить в роль.

Дежурный продолжал жевать. Я заметил, что его руки были сплошь покрыты татуировками. Коротко стриженная голова своеобразно гармонировала с бесчисленным количеством колец в правом ухе.

— Лэйкерс и Никс. Четвертьфинал.

— Ух ты! Ты за кого? — Я решил подбираться к проблеме издалека и сначала поддержать его интерес.

— За Никс.

— Да, Никс — отличная команда! Я думаю, у них в этом сезоне все шансы выиграть чемпионат!

— Надеюсь, — без энтузиазма ответил дежурный.

Я представился:

— Я Дэйв.

— Салют, Дэйв. Я Пит.

Пит перестал жевать и наконец-то посмотрел на меня.

— Что случилось?

Наконец можно было перейти к делу.

— Пит, слушай, брат, такое дело. Я знаю, вы тут лучшие и все умеете, и такую чепуху, как у меня с тачкой, исправите за пару часов. В общем, у меня стал мотор

глохнуть, лампочки какие-то внутри горят, сам не знаю из-за чего. Первый раз такое. Посмотришь, а?

Пит сделал движение головы вбок и скосил взгляд в окно, туда, где стоял мой «форд». Потом взял в руки огромную тетрадь и начала перелистывать страницы.

— Фамилия, — спросил он.

— Адамс.

— Имя.

— Дэйв.

— Что у тебя там? «Форд»?

— Ага.

— Год выпуска.

— 2003-й.

— Так...

Пит замолчал. Потом перелистнул еще пару страниц.

— В общем так, Дэйв Адамс. Оставляй ключи и приезжай за ней в следующий четверг.

Гримаса одолжения, с которой Пит начал вписывать меня в свою тетрадь, позволила бы ему бесплатно поступить в любой театральный институт — так здорово она была исполнена. Я пришел в замешательство. Целую неделю без машины мне было не протянуть. Надо что-то делать. Я облокотился на стойку, за которой сидел Пит.

— Э-э, Пит, приятель, тут такое дело. Мне машина нужна позарез. Там же наверняка ерунда какая-нибудь!

— Слушай, Дэйв, у нас очередь...

— Пит! Ну сейчас же нет никого! Ну? Там раз-два и все. Вы же тут лучшие в районе. Мне про вас столько хорошего рассказывали! Что вы тут тачки собираете-разбираете за тридцать минут! Колеса быстрее, чем на питстопе в Наскар меняете!

Пит начал колебаться, почесывая за ухом обгрызенным карандашом. Нужно было пускать в ход самые главные аргументы. Я достал из бумажника пару двадцаток, положил их на стойку и в полголоса добавил:

— А это лично тебе, брат.

Пит воровато оглянулся по сторонам, взял со стола купюры и отлистал пару страниц в тетради назад.

— Ладно, брат. Уговорил. Посмотрим, что там с твоей тачкой. Приезжай сегодня в 6:30. В семь закрываемся уже, так что не опаздывай. Ну, бывай.

— Спасибо, Пит! Я твой должник!

Я вышел из сервиса с облегчением и все-таки ругался про себя. Такси ждало у входа.

Разумеется, моему опозданию в офисе рады не были. Получив порцию негатива от мистера Кертиса, выслушав все самое «хорошее», я, не снимая пальто, шумно опустился в свое кресло.

Саймон бросил ехидный взгляд в мою сторону. Монитор, как рождественская елка, пестрел свежеприлепленными разноцветными бумажками. Очень в тему, учитывая сезон. «Ну что ж, — сказал я себе. — Ты сам выбрал этот путь». И погрузился в разбор завалов.

— Дэйв, найди для Ника из продакшн акты по прошлому проекту, тому, что мы делали для «Пепси», проморолик. Подними историю оплаты счетов для Си-эн-эн. У них, кажется, возникли вопросы. Передай мне портфолио для Китано — вчера просил тебя оформить. — Бодрый Саймон сыпал в меня просьбами, как выспавшийся ребенок сыплет в невыспавшихся родителей вопросами из разряда «хочу все знать». — Оформи тэ-зэ по «Адидасу» — вот контакт, — скинь электронкой на мой смарт. Да, и принеси кофе. Саймон посмотрел на меня. В моем ответном взгляде блеснула искра.

— Пожалуйста, — все же решил добавить он. — И не забудь раздеться. У нас жарко.

Даже если бы он не сказал «пожалуйста», я все равно должен был встать и принести ему кофе.

Я передал ему все нужные документы и сделал пару звонков, не поднимаясь со стула. Покопавшись в кармане, отыскал мелочь и отправился к автомату с напитками, этажом ниже. Там же нужно было оставить пальто.

— Внимание всем! — как всегда, неожиданно крикнул Кертис.

Его звучный голос каждый раз заставлял всех вспомнить детскую игру «Море волнуется». По-моему, в эту игру здесь научились играть даже копировальные и телефонные аппараты, замирая с раздавшимся голосом мистера Кертиса.

— В понедельник в 9 часов мы подводим предварительные итоги месяца! — Он словно обращался к каждому сотруднику персонально, поворачивая голову от одного к другому. — Я очень жду от вас результатов. Не разочаровывайте меня!

Убедившись, что каждый, в том числе, было похоже, и факс с копиром, проникся его идеей «принести результат», Роберт закончил:

— Всё, можно продолжать!

Офис снова наполнился рабочим шумом.

На лестнице я столкнулся лицом к лицу с Гейлом. Он был рад мне, хотя куда-то спешил, как обычно.

— О! Ты не изменяешь своим правилам: сегодня пятница — и твоя рубашка зеленая! Как ты говоришь?.. Дай-ка вспомнить. Зеленый цвет заряжает на выходные позитивной энергией?.. Задержался у новой девицы? Так торопился на работу, что даже не успел переобуться в свои любимые конторские тапки?

Гейл всегда меня подкалывал. Я пропустил мимо ушей его наблюдение насчет рубашки и туфель.

— Все гораздо хуже — с машиной не ладно.

— Оу, — Гейл театрально закатил глаза. — Понятно, — протянул он.

Появившийся наверху костюм Роберта Кертиса прервал нашу беседу.

— Нолти! Адамс! Хватит болтать! А ну, живо за работу!

— Бегу, бегу, дорогой! — фальцетом пропел Гейл.

Нолти сходило с рук даже подтрунивание над начальником смежного отдела — формально он не подчинялся Кертису.

Я уже хотел продолжить движение, но решил на мгновение задержаться.

— Гейл! — окликнул я, и его пухловатое тело повернулось ко мне. — Слушай... Сколько килограмм ты бы смог поднять?

— Ты намекаешь на какую-нибудь аппетитную пышечку? — Гейл расплылся в сальной улыбке.

— Да нет, я серьезно. Сколько?

— М-м, не знаю, старик. Ну, килограмм сто... А что?

— Как ты думаешь, человек может одной рукой поднять автомобиль?

— Игрушечный?

— Нет. Настоящий.

— Это же тонны полторы! — Гейл засмеялся. — Нет конечно! Даже если сильно напьется и будет уверен, что под машиной его ждет полтинник!

Я опустил взгляд.

— Ну ладно... Значит, все-таки показалось.

— А что случилось-то?

— Да нет, все в норме.

Сверху снова показался костюм Кертиса.

— Атас! Босс! — И Гейл в два прыжка исчез за входом.

Когда я вернулся с двумя стаканами кофе, Саймона уже не было. Записки от него тоже. «Вот черт! — выругался я. Ну и зачем было заказывать себе кофе?»

Я окунулся в рабочий процесс, в моей голове снова все закрутилось. Я напряженно смотрел в монитор, закрывая и открывая новые приложения, что-то записывая, помечая, создавая новые документы. Было уже около одиннадцати. Бледное декабрьское солнце экономно отбрасывало свет на бесконечные документы, разбросанные по нашим столам. Голос Майкла из группы по рекламе, справа от меня, прерывался негромким бормотанием дизайнеров, с которыми он разрабатывал очередной проект. Где-то позади меня звонил телефон — Элизабет, наша секретарь, не успевала принимать звонки, раздававшиеся непрерывной трелью. На самом деле это был хороший признак. Безостановочно работал факс. Слева от Элизабет и меня слышался звонкий, приятный смех Рэйчел — в это время отдел нэйминга во главе с ней, как правило, делал короткий кофе-брейк, во время которого они старались поделиться друг с другом последними новостями. Прямо передо мной, за креслом Саймона, Эдвард, мой коллега по отделу, вел активный диалог с одним из своих постоянных клиентов, каким-то айтишным брэндом. «Комкором», кажется. Сквозь приоткрытое окно доносились звуки работающей строительной техники — внизу перекладывали асфальт. Где-то выли сирены. Слабые звуки откуда-то доносившейся симфонической музыки перекрывались уличным шумом. Город жил. Мне нравилось участвовать в этой жизни.

— Привет, Дэйв! Решил основательно взбодриться? — Рэйчел коснулась моего плеча. Это было неожиданно. Я чуть вздрогнул.

— Ух. Э-э, м-м, ну да. То есть не совсем. Это Саймона. Но его нет. — Я улыбнулся.

— Хотела предложить тебе, но, смотрю, у тебя уже есть. Целых два. — Она покачала головой, изящно указав на два стакана кофе, стоявших рядом с клавиатурой. — Да, кстати, — она выдержала небольшую паузу, глядя мне прямо в глаза, и, чуть понизив голос, добавила: — Телефон.

Я вытянул шею.

— Что?

— Телефон, — все так же вполголоса произнесла она.

— Рэйчел, я не...

— Дэйв! У тебя телефон звонит на столе! Возьмешь или так и будешь мной любоваться?

— Ох, да, конечно! Спасибо, Рэйчел!

Я схватил телефонную трубку.

— Дэйв Адамс, «Маркетинг Индастриз», чем могу помочь? — протараторил я и, прикрыв микрофон ладонью, громким шепотом добавил: — Спасибо, Рэйчел!

Рэйчел махнула рукой и принялась о чем-то болтать с только что освободившимся Эдвардом.

На другом конце телефонного провода оказался Фуджи Китано.

— О, мистер Китано! Саймон Шекли уже выехал к вам и, думаю, будет у вас точно в срок. Если хотите, я могу перевести звонок на его мобильный.

— Мистер Адамс, я бы хотел встретиться с вами. У меня есть предложение, от которого не принято отказываться.

Это было несколько неожиданно.

— Со мной? Предложение ко мне? Мистер Китано, я думаю, мистер Шекли обладает всеми необходимыми полномочиями, чтобы провести переговоры, и...

Китано перебил меня:

— Меня сейчас не интересует мистер Шекли. У меня предложение лично к вам, мистер Адамс. Жду вас в своем офисе в час дня.

— Мистер Китано! Вы не... — Я не успел закончить фразу. Он положил трубку.

Нельзя отказывать клиентам после таких звонков. Кертис точно не обрадуется.

— Элизабет! Я к клиенту! — бросил я секретарю и поспешил скрыться в лифте.

Апартаменты компании «Китано Инкорпорэйтед» располагались в одном из старейших и престижнейших строений города. Дорога к нему лежала вдоль Гайд-стрит, через три квартала к северу, мимо стадиона Джорджии, мимо городской библиотеки и ратуши и обходила здание «Китано Инк» с обеих сторон, оставляя небольшую площадь перед ним в виде острова. Кроме «Китано Инк» в этом же здании размещались «Норт Отель», «Джи Эм Банк», ресторан, кто-то из софтверных гигантов и ряд более мелких, но тоже именитых контор. Здание, безусловно, впечатляло. Монументальностью, каменной сдержанностью, величием.

Я расплатился с таксистом и поспешил войти.

Любезная леди на ресепшне выписала мне пропуск и попросила подняться на десятый этаж. В здании царил оживление. Четыре скоростных лифта, похоже, не справлялись с огромным потоком человеческих тел — люди постоянно входили и выходили, а у самых дверей не убывала толпа ожидающих. Меня буквально втащило в лифт, я оказался прижат к задней стенке; кое-как дотянулся до нужной кнопки, затем огляделся. Люди разных национальностей, в разной одежде источали разные ароматы. Но у всех одинаково сосредоточенные лица.

Ехать пришлось недолго — десятый этаж. Под давлением тел я почти выпал из дверей, чуть не сбив с ног молодого человека, пытавшегося войти в лифт. Я инстинктивно обернулся, уронив вежливое «Прошу прощения!». Обычно в такого рода фразы не вкладывают особого смысла, а лишь стараются с их помощью поскорее отделаться от неприятного инцидента. Я, тем не менее, на секунду задержал взгляд на этом человеке. В общем-то, в нем не было ничего выдающегося. Широкий лоб, темные волосы, прямой нос. Джинсы, темно-синяя куртка. Таких много... Джинсы, темно-синяя куртка... Стоп. Мне он вдруг показался знакомым... Неужели? Молодой человек слегка ухмыльнулся. Двери лифта закрылись перед моим носом. На секунду я растерялся.

— Простите, сэр! Вы мистер Адамс?

Я обернулся — ко мне подходила приятной внешности женщина.

— Да, это я.

— Мистер Китано ждет вас. Прошу за мной! Дайте мне, пожалуйста, ваше пальто. Спасибо. Прошу.

Женщина поклонилась мне, провела в конец коридора. Передо мной открылась массивная деревянная дверь, словно бы вход в древний японский храм, — женщина жестом пригласила меня войти.

Я безотчетно оглянулся в сторону лифта, затем последовал приглашению.

— Чай, кофе?

— М-м, пожалуй, чай.

— Хорошо, мистер Адамс.

Женщина закрыла дверь.

Откуда-то из глубины зала, в котором я оказался, донесся знакомый голос Фуджи Китано.

— Приветствую вас, мистер Адамс!

Мистер Китано учтиво шел ко мне навстречу, протягивая руку. Я пожал ее. Фуджи Китано было около пятидесяти. Подвижный, поджарый, с положительными эмоциями на лице и блеском в глазах. Черные волосы аккуратно зачесаны на левый бок. Черный строгий костюм, бабочка, белая рубашка.

— Добрый день, мистер Китано! У вас шикарные апартаменты! Отсюда замечательный вид!

Я указал на окно, открывавшее взору почти всю Гайд-стрит, идущую едва ли не через весь город. Солнце неизменным бледным диском висело над улицей, пробиваясь лучами сквозь редкий снег. Поскольку окно было закрыто и звуки не поникали сюда, казалось, что машины проплывают.

— Не будем отвлекаться на любезности, мистер Адамс. Я ценю ваше время. К тому же, оно понадобится вам, чтобы все осознать.

Я чуть свел брови.

— Мистер Китано, мне кажется, я не совсем понимаю, о чем вы.

— Присядьте, мистер Адамс. Все просто.

Китано показал мне на стул, обитый красной тканью, отлично гармонизировавшей с красным ковровым покрытием, золотистыми проемами дверей и массивным столом из редких пород дерева. Высокие потолки продолжали тему величественности, заданную общим видом здания.

Я сел.

— Мистер Адамс, я знаю, вы умеете отлично работать. Я навел о вас кое-какие справки. Вы многого должны достичь. И я хочу дать вам такой шанс. Моя компания занимается многими направлениями — по всему земному шару. Реклама, продукты питания, ритэйл, высокие технологии и другое. Их много. У меня есть проект, связанный с недвижимостью, и этот проект я бы хотел поручить вам.

Я слушал завороченный. Фуджи Китано продолжал.

— Согласившись на мое предложение, вы сможете получать в десятки раз больше, чем сейчас. Но на развитие проекта требуется время. В этом особенность. И еще одно — работа над проектом должна осуществляться на территории Новой Зеландии. В данный момент я готовлюсь к инвестированию нескольких новозеландских торговых центров. Мне нужен свой человек там. Креативный подход, достаточная степень свободы и ответственность. Вы понимаете, о чем я говорю, мистер Адамс?

Мне не часто приходилось выслушивать подобные предложения, поэтому я не сразу нашелся, что ответить. Попросту говоря, я был шокирован.

— Сэр, это большая честь для меня...

Мистер Китано сделал что-то вроде небольшого поклона головой, улыбаясь несколько лукаво, как мне показалось.

— Итак, ваш ответ, мистер Адамс?

В моей голове закипело — я начал усиленно обдумывать возможные последствия положительного ответа. Однако последствия отказа рассмотреть было проще: по сути, тогда в моей жизни ничего не менялось. Это, конечно, облегчало раздумывания, но только отчасти.

— Мистер Китано, почему вы решили, что я могу согласиться?

Он оставался титанически спокоен.

— Это подсказала моя интуиция, а она меня никогда не подводит. К тому же я навел кое-какие справки и пообщался с вашими коллегами.

Когда я поднял в недоумении брови, Фуджи Китано поспешил меня успокоить:

— Не переживайте, ваши коллеги не знали, что общаются именно со мной. Я разговаривал в том числе и с Саймоном Шекли. Кстати, после встречи с ним я доверил «Маркетинг Индастриз» проведение целой рекламной кампании в следующем году. Саймон Шекли неплох. Но, думаю, вы лучше справитесь с задачей.

Этот ответ обескуражил меня. Я абсолютно не знал, что ответить.

— Сэр, предложение очень интересное и лестное для меня... Но, видите ли, у меня здесь невеста, ее семья, моя семья, в конце концов...

— Я знаю, — все так же невозмутимо отвечал Фуджи Китано. Он сделал небольшую паузу, а потом спросил: — Скажите, почему вы выбрали «Маркетинг Индастриз»? Вам нравится работать с бумагами?

— Сэр, это возможность научиться решать любые задачи, ставить цель и добиваться результата... К тому же компания с амбициями. Они давно на рынке, у них отличная перспектива. Следовательно, и у меня отличная перспектива. По крайней мере, мистер Кертис заверяет меня в этом. Я мужчина и должен думать на несколько шагов

вперед. В «Маркетинг Индастриз» все логично и планомерно. Я уже многого добился здесь и у меня еще многое впереди...

— Мистер Адамс, насколько я знаю, вам не нравится реклама. Или я ошибаюсь? И вряд ли вам нравится бумажная работа. Мистер Адамс, разве еще в университете вы не хотели пойти по специальности управления инвестиционными объектами? Заняться недвижимостью?

Фуджи Китано отлично навел справки — он владел информацией, которой я делился разве что с Гейлом Нолти.

— Это непростой выбор, мистер Китано.

— А мне казалось, все просто. — Китано улыбался.

Происходящее стало казаться мне игрой.

— Мистер Китано... Может быть, все это розыгрыш? — я попытался улыбнуться.

— Розыгрыш? — он расхохотался. — Я бы хотел, чтобы меня когда-нибудь так же разыграли. Тогда, думаю, я бы не упустил свой шанс и добился гораздо большего, чем то, что имею сейчас!

— Да, сэр, вы правы. — Я виновато опустил голову.

— Нет, мистер Адамс, все чрезвычайно серьезно.

Раздался короткий звонок — в зал вошла женщина с небольшим чайником и парой фарфоровых кружек. Она разлила по кружкам чай, поклонилась и затем неслышно удалилась. Фуджи Китано отпил пару глотков. Затем в его руках оказались бумаги.

— Чтобы развеять ваши сомнения — вот контракт, — сказал мистер Китано, протягивая мне бумаги. — Ваше имя уже вписано. Прочтите условия. Если вы подпишете контракт прямо сейчас, можете даже не возвращаться в «Маркетинг Индастриз» — я переговорю с мистером Кертисом. Надеюсь, он поймет.

Голова начал ныть — слишком много мыслей. Я посмотрел на Фуджи Китано.

— Мистер Китано, сколько времени вы можете мне дать, чтобы я обдумал решение?

Китано взглянул на часы, которые против моего ожидания оказались вполне простыми, в стальном, потертом от времени корпусе. Я на секунду задумался: «потертом от времени» — повторил я про себя... Словно невидимая рука времени перетирает меж своих пальцев песок человеческих жизней, в крупинках которого застревают лишь механические часы.

— Это подарок моего деда, — вдруг произнес мистер Китано, заметив, что я смотрю на его часы сосредоточенным взглядом. — Мой дед научил меня ценить минуты жизни... — Потом Китано резко сменил тему и тон: — Дней? — Он улыбнулся так, что мне стало не по себе. — Я жду от вас ответа до часу ночи сегодня. После этого я улетаю на несколько недель — в два часа в аэропорту меня будет ждать самолет. Спать в это время, разумеется, я не буду. Или вы, мистер Адамс, или другой. Итак, до часу ночи я жду от вас решения.

«Боже! Как мало времени!» — воскликнул я про себя.

— Да, мистер Китано, я понял. Я дам ответ сегодня.

Фуджи Китано вынул из кармана визитку.

— Позвоните мне по этому номеру. Я буду ждать.

Он улыбнулся, и на этот раз улыбка его была, скорее, вежливой.

— До встречи, мистер Адамс!

— До свидания, мистер Китано!

Я попрощался и, одолеваемый сомнениями, вышел из зала.

Женщина, напоминая своими действиями скорее робота, нежели человека, — так что на ее одежде я все время пытался разглядеть логотип какой-нибудь электронной компании, — улыбнулась мне, протянув пальто. Я машинально взял его, попрощался с женщиной-роботом, вошел в лифт, потом, спустившись вниз, прошел по холлу и оказался на улице.

«Как же Дженифер? Ожидания отца? Мистер Кертис? Разве я могу подвести его? А дом? Что я скажу?» — вопросы пчелами роились в моей голове. Я шагал по тротуару, поглощенный собственными мыслями, не замечая никого и ничего вокруг. «Думать ногами», — так, кажется, говорили древние. В таком состоянии можно запросто угодить под колеса, провалиться в открытый люк, да просто удариться головой о фонарный столб. Мне везло. Я просто шел. Шел мимо прачечных, салонов красоты, адвокатских контор, туристических агентств. Мне явно не хватало чьего-то мнения. Точнее, мне, чем больше я думал, тем все больше импонировало предложение мистера Китано — деньги, возможности, перспектива, что-то близкое на самом деле мне. То, о чем, наверное, я мечтал внутри. И именно поэтому мне казалось это немножко нереальным. Но мне нужно было с кем-то поговорить.

Я достал телефон и позвонил «железному» Кертису. Из всех, кого я знал, этот человек больше других знал о бизнесе, работе, о том, как ее следовало делать, чем заниматься в первую очередь, что приносит стабильность и ожидаемый результат.

По голосу Кертиса я понял, что он не очень доволен моему звонку. Он вообще не любил подобные звонки. Они выводили его из себя. Тем не менее я дважды набрал побольше воздуха в легкие, дважды выдохнул и постарался аккуратно, не называя имен, представить ситуацию со слов Фуджи Китано.

Ответ мистера Кертиса был неожиданно прямым, хотя, как я подумал позже, предсказуемым и, в общем-то, правильным. Кертис сказал, что гораздо надежнее держаться за реально существующие проекты, уже сейчас приносящие деньги, — их достаточно просто развивать. В то время как ни один старт-ап нельзя считать гарантированно жизнеспособным, тем более если проект в совершенно другой сфере, нежели тот, которым ты занимался сначала.

— Понимаешь ли ты что-нибудь в недвижимости, Дэйв? — спросил меня Кертис, и я вынужден был признать, что нет. — А раз нет, значит, подобный проект еще более ненадежен, — заключил он.

Я вынужден был согласиться. Сейчас работа в «Маркетинг Индастриз» была, возможно, не тем, чего бы мне в действительности хотелось. Но она четко гарантировала перспективу и уверенность в том, что завтра ни я, ни мои близкие не пойдут, что называется, по миру. К тому же Роберт Кертис напомнил мне о долге перед отцом. На этот раз открыто. Кертис говорил убедительно. Как и всегда.

Я положил трубку. Идея мистера Китано уже не казалась мне столь идеальной. Слишком много условий. А если не получится? А если я останусь там надолго? Или навсегда?

Мои размышления были прерваны нищим, который уже с полминуты дергал меня за рукав пальто, как маленькая девочка дергает за рукав свою маму в кондитерском отделе. От него безумно пахло. Но не пряниками. Я постарался одернуть руку и только после этого начал понимать, что он мне говорит.

— Сэр! Не проходите мимо! Купите лотерейный билет! Я знаю выигрышные цифры! Ну, купите!

— Слушай, отстань от меня! — крикнул я.

Мысли о предложении мистера Китано враз отодвинулись на второй план.

Нищий продолжал хватать меня за рукав. Я никак не соглашался купить заветный леденец.

— Купите лотерейный билетик! Ну купите!

Я не верил в лотереи. Больше доверял конфетам и печенью. Правило показывало, что выиграть в лотерею невозможно, а все результаты подстраивают. Один шанс на миллион, и тот сфальсифицированный.

— Умоляю, отстань от меня! Если ты знаешь цифры, купи себе билет сам!

Я постарался отпихнуть навязчивого бродягу. Мы, толкаясь, пробирались с ним вдвоем сквозь встречный поток людей.

— У меня нет денег, мистер! Но я добрый! — не унимался он. — Я их вам так скажу!

— Не хочу ничего слышать от тебя!

— 3, 5, 14, 32, 33, 41 — бормотал, пытаюсь прильнуть к моему уху, нищий.

— Ничего не хочу от тебя! — продолжал отпихиваться я. Запах резко бил в нос.

— 3, 5, 14, 32, 33, 41! — повторял он. — 3, 5, 14, 32, 33, 41!

Когда долго возишься с бумагами, актами, накладными, когда постоянно находишься в окружении цифр, невольно начинаешь запоминать числа с первого раза — не важно, увидели ли вы их, назвал ли вам их кто-то. Просто запоминаете. Надолго или до того момента, когда они вам понадобятся.

Я остановился. Полез в карман, нащупал там пятерку и протянул ее бродяге.

— На! Держи! и не приставай ко мне больше! Протрезвей, купи себе парфюм какой-нибудь, что ли, или мыло — что угодно! И не лезь к людям!

— Спасибо, сэр! Вы добрый! Помните про цифры! Розыгрыш сегодня вечером! Я всегда смотрю перед супермаркетом!

Бродяга отстал. Его голос становился все тише и тише.

«Боже! Вот уж никак не думал, что в таком районе можно встретить бродягу», — подумал я. Оглянувшись, я увидел исчезающего в толпе нищего, вздохнул с облегчением.

Передо мной вырос киоск. Я чуть не налетел на него всем своим телом. От неожиданности я невольно остановился возле окошка. Против обыкновения у киоска сегодня никто не толпился. Не моргая, смотрел я на самые разные лотерейные билеты. Цифры, которые называл нищий, могли участвовать только в национальной лотерее. Если честно, как-то в детстве отец покупал мне несколько раз эти билеты, только вот каждый раз меня ждало разочарование. На всякий случай я достал подходящую по достоинству купюру из кармана пальто, продолжая раздумывать.

В голове всплывали счастливые лица победителей на экранах центральных телеканалов. Молодые и старые, мужчины и женщины, с густой шевелюрой и совсем без волос. И каждый раз это становилось событием. Мечта многих. Сто тридцать миллионов, сто шестьдесят, двести миллионов. Боже. Астрономические суммы!

«Это правило, которое вряд ли суждено нарушить», — думал я о невозможности когда-нибудь что-нибудь выиграть. Хотя деньги сейчас совсем не были бы лишними. Мне хотелось верить, но реалии окружающего мира убеждали меня в обратном. Убеждали всегда, убедили и на этот раз.

Еще раз взвесив все «за» и «против», я сунул купюру обратно в карман. Киоск остался позади. Моя рука неожиданно нащупала рядом с купюрами что-то явно не являющееся таковыми. Скорее всего, это был обрывок бумажки. Не останавливаясь, я попытался отделить посторонний предмет от денег. Опустив голову, я медленно шел по Гайд-стрит. Извлечь обрывок оказалось непросто — мешала глубина кармана и прохожие, то и дело буквально выбивавшие мою руку из пальто. Я остановился и стал помогать себе второй рукой.

— Дэйв?! — окликнул меня женский голос.

Глава 3

Это был день непрекращающегося удивления. Передо мной стояла, удивленная, Сильвия Сэйтс. Я, удивленный не меньше, с двумя руками в одном кармане, стоял перед ней.

— Сильвия?! — сказал я от неожиданности вместо приветствия.

— Не думала увидеть тебя здесь, Дэйв! Покупаешь очки? — она показала на магазин оптики, возле которого я, как выяснилось, остановился. Моя поза — поиска последней монеты в кармане — соответствовала ситуации.

— Я? О, нет, — я поспешил вынуть руки; посторонний предмет так и не был найден. — Я так, мимо шел. А ты какими судьбами?

— Ходила на курсы парикмахера. Это на другой стороне улицы. — Она изящно вытянула руку, указывая куда-то через дорогу.

Голубоглазая, со светло-солнечными волосами Сильвия была все так же красива. И даже в скучную, пасмурную погоду она ухитрялась выглядеть ярко и стильно. Полосатый вязаный шарф, желтый с белым, кремовые пальто и невысокие сапожки на тонком каблуке, темные узкие джинсы. Все изящно и мило.

— Ты же знаешь, я легка на подъем. Захотела пойти на курсы — и пошла. Мне нравится делать то, что по душе!

Магическая улыбка Сильвии. Губы, подчеркнутые помадой, поблескивали в свете размытого солнца.

— Впрочем, ты это и так знаешь, Дэйв!

— М-да, — произнес я и отвел взгляд, блуждая им по сторонам.

Сильвия напротив меня переступала с ноги на ногу.

— Может быть, перекусим, раз уж встретились? — Было время обеда, и я подумал, что ничего двусмысленного в этом предложении нет. — Если ты не против, конечно, — добавил я.

— Не против, конечно! — Оживлено откликнулась Сильвия. — Я знаю, здесь, за углом, есть небольшой ресторанчик. Там быстро готовят. Пойдем?

Я кивнул и отправился вслед за ней.

Мы познакомились с Сильвией в прачечной. Немного странное место для знакомства. Я приходил стирать белье, и она — по случайности — приходила в те же дни и почти в то же время. Сначала мы просто здоровались. Потом от нечего делать стали обсуждать завсегдатаев прачечной, которых уже знали по именам. До упаду смеялись над чопорным сэром Мак-Дилоном, который всегда приходил постирать белье, словно на прием к королеве, — с высоко поднятой головой, неся на руках заботливо сложенное белье. Над пожилой миссис Уотсон и ее подругой — миссис Гарлем, носившей толстенные очки и однажды оставившей их в стиральной машине, тоже подтрунивали. И над молодой мисс Баффет, которая каждый раз кричала на своего молчаливого спутника, мистера Паркера, за то, что тот каждый раз забывал свои носки дома, и за ними приходилось возвращаться. Потом мы с Сильвией стали делиться новостями. Она в то время расставалась со своим парнем. Его звали то ли Колтон, то ли Колсон. Я помнил, что на «К». Однажды я предложил Сильвии пойти со мной в кино — если честно, одному идти было безумно скучно, и хотелось, чтобы кто-то составил мне компанию. Симпатичная Сильвия вполне годилась. И так мы ходили в кино еще и еще. Спустя несколько месяцев я понял, что мне сложно без нее. Оказалось, что и она ко мне слишком привыкла. Влюбленность? Возможно. Это приятное чувство. Жаль, что оно проходит со временем. Проходит или перерождается во что-то большее. Как у Сильвии. В какой-то момент я понял, что с ее стороны это уже не просто сходить-вместе-выпить-посмотреть-погулять. Она привязалась ко мне сильнее, чем в итоге я к ней. И она отдавалась этому чувству целиком. Не замечала преград.

Сильвия просто делала так, как ей подсказывало сердце. Если ей было грустно, деревья грустили вместе с ней. Если ей хотелось веселиться, она смеялась до изнеможения, и казалось, солнце смеялось тоже. Каждой эмоции она отдавалась целиком. Если Сильвии хотелось слышать меня ночью, она звонила. Если ей было жаль пса или кошку на улице, она непременно приносила животное в дом. Если ей переставала нравиться ее работа, она уходила, не оглядываясь, но каждый раз оставляя хорошее впечатление о себе.

Сильвия была открытым человеком. И в то же время ее внутреннее «я» оказывалось доступно далеко не каждому. Если ей не нравился кто-то или не нравились в ком-то отдельные черта, поступок — Сильвия говорила об этом в лицо. Она была смелым

человеком. Сильвия увлекала меня в свой мир. Хотела, чтобы я так же, как она, делал то, что на самом деле хотел, чтобы искренне говорил то, что думал или чувствовал. Я много размышлял об этом. Но, на мой взгляд, такое поведение не всегда оправданно. Мы живем среди людей, предметов, услуг — среди того, без чего не могли бы обходиться. Наше общество высоко дифференцировано. Парикмахер не знает, как сшить сапоги, стоматолог не приготовит цемент, пожарный вряд ли соберет простейший калькулятор. Каждый из нас выполняет свою функцию, чтобы иметь возможность использовать функции других людей. Даже если кто-то кажется бесполезным сегодня, нет гарантии, что не придется встретиться с этим человеком в будущем при обстоятельствах, когда он будет полезен. И что, если сейчас я скажу такому человеку, что недоволен им?.. Да, в общем-то, вряд ли это на что-то бы повлияло. Быть открытым? Нас много. У каждого свои принципы и манеры — кто знает, какую реакцию вызовет моя открытость. К сожалению, могут найтись те, кто захочет ею воспользоваться. И кто знает, какую боль это может мне принести.

Ресторан оказался довольно компактным. Не больше десятка маленьких столиков, рассчитанных, скорее, на поедание бутербродов с колбой, чем на душевные разговоры друзей детства, не видевшихся целую вечность. Клеенчатые скатерти в розовую клетку, репродукции неизвестных картин в деревянных рамках на стенах, желтый потолок, деревянные скамейки и высокие стульчики из оранжевого пластика. Пять-шесть человек, разбитых на несколько компаний. Пара стариков. Остальным на вид не больше двадцати пяти. В зале было прохладно, так что мы не стали раздеваться. Я взял пару гамбургеров и диетическую колу, Сильвия — салат и сок.

— Прости за вчерашний звонок, — начала она. — Мне стало немного грустно. Я подумала, что ты сможешь меня поддержать.

Может быть, я все еще нравился ей. Не знаю. Я не смог стать таким, каким она хотела меня видеть. Я постоянно останавливал себя. Мне казалось, что я перестаю контролировать ситуацию, что отрываюсь от реальных проблем и задач. Что, поддавшись собственным желанием, окажусь нигде и ни с чем. Хорошее воспитание, престижная школа, университет, прилежная учеба, перспективная работа, должность, компания, свой дом, семья. Я не думал, что имело смысл прерывать это логичное развитие событий. Я должен был жить согласно ходу времени и заведенному порядку. Каждый должен этому следовать. Только так можно достойно существовать в обществе.

— Не извиняйся, — ответил я. — Ты мой друг, и я не могу не помочь тебе, если ты нуждаешься в моей помощи.

— Да, наверное, — Сильвия усмехнулась.

Официант принес заказ.

— Как тебе здешние бутерброды? — спросила она спустя время.

— Нормально. Как обычно. — Я не нашелся, что еще ответить.

— Как на работе?

— На работе? Да как обычно, в общем...

— М-м. Ясно. А я недавно купила новую книгу. «Пурпур» называется. Не читал?

Я напряг память. Книгам в последнее время удавалось уделять внимания все меньше и меньше.

— Нет.

— Почитай. Интересная вещь. Местами страшновато. Но в общем с юмором и глубоко. И неожиданный конец. Некоторые, правда, считают, что сюжет не очень густой и избитые фразы. По мне, так наоборот — почти как кино. Триллер. — Сильвия улыбнулась. — Ты же любишь фильмы, Дэйви. Тебе понравится главный герой. Он мне чем-то тебя напоминает. Может быть, ты станешь этим героем когда-нибудь. Но я бы не хотела, чтобы ты становился таким, как он. Нельзя, чтобы люди переставали чувствовать.

Сильвия говорила и энергично пережевывала салат. Как и все женщины, она успевала делать несколько дел одновременно. Я был лишен такого дара и молча жевал гамбургер.

— Кстати, отличные курсы, — сменила она тему. — Мне понравились. Я имею в виду, курсы парикмахерского искусства. Пожалуй, я подумаю об открытии собственного салона. Где-нибудь в нашем районе. Чтобы недалеко от дома. Ты можешь приходить ко мне, Дэйви, и стричься бесплатно. У нас там почти нет нормальных парикмахерских. Жаль. Ну, по крайней мере, у меня будет шанс. Это здорово. Может быть, там будут не только стричь. — Сильвия говорила без усталости. — Ты знаешь, я тут думала еще насчет пошива платьев. Но это пока в планах. На самом деле я уже устроилась в один из салонов. И успела проявить свой талант. Я же всегда быстро схватываю. Через неделю меня приглашают в «Бьюти Эмпорио».

Я был поражен. «Бьюти Эмпорио» — одна из ведущих компаний в отрасли красоты, стиля и макияжа. Они приглашали только лучших, собирая кадры со всех регионов. Получить работу в «Бьюти Эмпорио» мечтает каждый, кто начинает работать со стилем. А ведь еще совсем недавно, если я правильно помнил, Сильвия была туристическим агентом.

— А как же туризм? — спросил я. — Ведь сейчас эта отрасль набирает обороты, и ей прочат хорошее будущее. Через пару лет можно достичь хорошей стабильности...

Сильвия доела салат.

— Мне показалось, что это не мое. Я вспомнила, что давно хотела заняться прическами. И занялась.

Официант принес счет.

Я угрюмо молчал.

Сильвия смотрела на меня и улыбалась все той же магической улыбкой. Мне хотелось перевести разговор на ее новые отношения, на то, правда ли, что все серьезно, что это надолго, что наконец-то она нашла того, с кем ей будет комфортно. Но я молчал.

— Я ненадолго отлучусь, Дэйви. Присмотришь за вещами?

— Конечно, — ответил я.

Сильвия отошла, оставив на столе свою сумочку, телефон и шарф.

Моя голова вновь была полна мыслей. Машина, недвижимость, Сильвия, «Бьюти Эмпорио». Все словно бы перемешивалось в одном котле. Чтобы хоть как-то отвлечься от посторонних тем, я решил вспомнить, что мне предстояло сделать сегодня и как распланировать завтрашние поездки. «3, 5, 14, 32, 33, 41» — неожиданно всплыли в памяти числа, которые мне твердил нищий. А-а! Я тут же вспомнил и наконец-то извлек из кармана все деньги. Среди них — клочок бумаги, по размерам почти совпадающий с согнутой пополам купюрой. Я развернул записку и несколько раз прочитал ее, прежде чем понял, что адресована она была именно мне: «Зачем тебе Дженифер, Дэйв? Если хочешь поразвлечься, приходи сегодня в 9-й дом на углу Тридцать второй и Четвертой. 4-й этаж, квартира 32». Подпись — «К. В.».

Как она могла!!! Со стороны Сильвии это было безумно нагло! Нет. Погодите. Записку я обнаружил еще до того, как столкнулся с ней. Нищий? Нет, не может быть. Где я оставлял пальто? Фуджи Китано? Нет, безумство! Так... Кто еще мог это сделать. Нолти? Вряд ли. Он бы не стал шутить на такие темы. Рэйчел? Может быть. Зачем? Не знаю. Может быть, все-таки у Фуджи Китано? Та женщина, напоминавшая робота? Черт подери. Не хватало еще только посторонних связей! А если узнает Дженифер? Я не должен идти на поводу у своих эмоций. Только она может быть сейчас важна для меня. Я люблю только ее. Почему же я, собственно, так разволновался? Не знаю... Не знаю... В девять часов... Сумею ли я доехать? Что я скажу Дженифер? Нет. Исключено. Мне надо думать о завтрашнем дне рождения. Мне нужен кредит на дом, и нельзя ударить лицом в грязь перед ее отцом. Ни в коем случае. И я не прощу себе, если хоть как-то обижу Дженифер. Она все для меня! Нельзя. Я не должен этого делать. Вся цепочка нарушится. Нельзя. Без нее нельзя! Не должен. Так не принято...

Мои метания прервал телефонный звонок. Это была Дженифер. Вспотевшими руками я поднял трубку.

— Привет, милая!

— Привет, Ди! Как у тебя дела? — Дженифер была в хорошем настроении. — Я соскучилась по тебе!

— Конечно, Джен, я тоже! У меня все в порядке! Как идут приготовления?

— Все замечательно! Мы сегодня испекли огромный торт и уже спрятали его в подвал — там прохладнее, — чтобы завтра мой любимый сладкоежка смог вдоволь полакомиться! — Джен засмеялась. У нее действительно все было замечательно.

— Вы же у меня молодцы! — похвалил я ее. — Как там мистер Уайберг? Как у него дела на работе?

— О, все отлично. Он, конечно, не подает виду, но у него все нормально. Сегодня он даже освободится пораньше, чтобы помочь маме с уборкой дома. Сестра тоже вся в предвкушении! Мэтью сегодня приезжает из университета. Я тебя люблю, Ди! Что делаешь сегодня вечером? Может, встретимся ненадолго? Часов в девять?

Я боялся, что она все-таки спросит меня об этом. Мне показалось, что пол уходит из-под моих ног. И почему я так разволновался?

— М-м, я-я... пока... дело в том... ты знаешь... — Я пытался что-нибудь придумать, хотя бы какой-нибудь внятный ответ. Пытался понять, что мне нужнее в этот момент. — Ты знаешь, Джен, сегодня мистер Кертис пригласил меня к себе на новоселье, — наконец придумал сказать я. — Начальнику нельзя отказывать, ты же понимаешь.

Я услышал, что Дженифер слегка расстроилась.

— М-м, понятно. Конечно, поезжай тогда! А завтра мы встретимся! Идет?

Я облегченно вздохнул.

— Хорошо, Джен! Я тебя люблю!

— И я тебя! Целую! Все, меня уже сестра начинает трясти за руку! Пока-пока!

— Пока!

Я положил трубку. Руки мои похолодели. Спустя несколько секунд раздался еще один звонок. Это был Роберт Кертис. Некстати.

— Стажер! Как идут твои дела?

— Еще раз добрый день, мистер Кертис! Как раз заканчиваю обед и бегу! — пролепетал я.

— Война-войной, а обед по расписанию. Молодец.

Вообще я думал, Роберт продолжит утреннюю тему уничтожения, но мистер Кертис неожиданно сменил курс.

— Слушай, мы как-то с тобой мало общаемся, тебе надо подтягиваться, плотнее как-то общаться с нашими лучшими ребятами. Я сегодня у себя устраиваю небольшую вечеринку. По случаю новоселья. После девяти. Мы с Ванессой решили чуть расслабить коллектив после рабочей недели. Приглашены только самые-самые. Гейл в их числе. Я знаю, вы с ним общаетесь. Приглашаю и тебя. Отказ не принимается.

Я был ошеломлен. Мне не верилось, что мое предположение могло оказаться реальным. Это было просто невозможно. Невероятно. Тем не менее то, что отказ не принимается, я знал и без напоминания. В каком бы состоянии я ни находился, мне полагалось согласиться.

На столе завибрировал телефон Сильвии. Кто-то звонил очень долго. Телефон под действием вибрации медленно поворачивался на месте, пока не повернулся ко мне экраном так, что стало возможным прочитать, кто звонит. На экране высветилось — К. В.

Кертис формально поблагодарил меня и сообщил еще раз, что ждет после девяти.

Наконец-то вернулась Сильвия. Она взяла все еще звонивший телефон, но не стала отвечать и не повесила его себе на запястье, как обычно, а бросила в сумочку.

— Не ответишь? — спросил я.

— Потом, — ответила она уже без улыбки.

— Твой новый парень? Тот, с которым ты собралась провести остаток жизни? — немножко зло и в то же время в шутку сказал я.

— Типа того. Ну что, пойдём?

Я опешил от неожиданного ответа, но спустя мгновение расплатился, и мы вышли. На улице немного потеплело, солнце стало ярче. Снег прекратился. И все-таки чувствовался морозец, типичный для кануна Рождества. Без головных уборов и перчаток, не боясь простудиться, можно было ходить только днем. На всякий случай перчатки я всегда носил с собой.

— Спасибо, Дэйв. Была рада, — произнесла, прощаясь, Сильвия.

— Не за что. Я тоже был рад.

Снова ее магический взгляд. Сейчас этот взгляд будто пытался сказать больше, чем было сказано словами. Как если бы Сильвия хотела вернуть все. Я вдруг понял, что, наверное, до сих пор очень дорог ей, но она старается не подавать вида, и от этого ее чувства становятся еще более сильными. Там, в голубых глазах, скрывался огонь, который она была бы рада потушить, но не могла и не хотела — она всегда поступала так, как чувствовала, и стремилась сделать все, чтобы также поступал и я. Если бы я принял это, возможно, мы были бы вместе. Во всяком случае, она так говорила. Но я не менялся, сколько бы она ни просила. Я оставался тем, кем был всегда. И потому Сильвия была вынуждена скрывать свое подлинное отношение ко мне, позволяя выплескиваться только самым ярким переживаниям.

Она поцеловала меня в щеку.

— Пиши, звони, Дэйв! Поболтаем!

— Обязательно, — я постарался вложить в свой голос максимум ободрения.

Сильвия махнула рукой и скрылась в переходе метро.

Я помахал ей вслед; потер, согревая, друг о друга ладони, и направился к дороге, высматривая такси. Тут я обнаружил, что нет моих перчаток. Я вспомнил, как отложил их на столике, чтобы они не мешали, и, похоже, там их и оставил.

В два прыжка я снова очутился возле ресторана. Похоже, никто оттуда пока не выходил. Перед входом стоял желтый «шевроле-корвет» с двумя спортивными черными полосами через весь кузов сбоку и на капоте. Я почувствовал, как от мотора машины идет тепло — ее оставили здесь буквально несколько минут назад. Внутри машины никого не было. Я огляделся. Вокруг ни души. Поток людей двигался по Гайд-стрит, не сворачивая в переулок. Я вошел в ресторан. На столике ничего, кроме столового набора, не оказалось. Меня охватила легкая тревога — терять что-то всегда неприятно. Еще неприятнее, когда кто-то твои вещи крадет. В надежде я обратился к официанту:

— Сэр, простите, вы ничего не находили вон на том столике?

Официант, протирая бокалы, скосил взгляд в том направлении, в котором я показывал.

— Нет, сэр, ничего.

Тревога моя разрасталась — не могли же перчатки исчезнуть сами собой? Я точно помню, что они были при мне, когда я вошел в ресторан.

— Сэр, может быть, вы видели, как кто-то подходил к столику?

Официант на секунду задумался.

— Кажется, да. Какой-то мужчина. В джинсах и темно-синей куртке.

Мое сердце бешено застучало.

— Сэр, вы можете мне сказать, где сейчас этот человек? Скажите, умоляю!

Официант несколько отпрянул. Судя по всему, мое состояние его напугало.

— Не переживайте вы так! Он был где-то здесь, сел в углу, вон там! А! Вон он!

Я обернулся. Человек в синей куртке выходил из зала на улицу, закрывая за собой дверь.

— Сэр! — крикнул я. — Эй!

Я ринулся к выходу.

Мужчина оказался очень проворным: пока я преодолевал совсем небольшое расстояние внутри ресторана, он успел дойти до своей машины и взяться за ручку двери.

Я с силой распахнул дверь кафе, так что она чуть не слетела с петель, громко стукнувшись о кирпичную стену.

— Сэр! Простите, вы ничего не брали с того стола, к которому подходили только что? — крикнул я с крыльца.

Мужчина замер, отпустил ручку двери и повернулся ко мне лицом. Он бы не успел сесть в машину и завести ее, если бы я решил остановить его.

— Например, это? — Он протянул руку, демонстрируя мне перчатки.

Я продолжил, не сходя с крыльца:

— Сэр, прошу их вернуть мне! — Это прозвучало, наверное, глупо. Но больше я ничего не нашелся сказать в той ситуации.

Мужчина ухмыльнулся, постоял пару секунд и бросился бежать вглубь переулка. Кровь тяжело застучала в моих висках. Мне ничего не оставалось, как броситься за ним.

— Стой! Держите его! — кричал я.

Одинокое прохожие расступались, окидывая подозрительными взглядами сначала незнакомца, потом меня и что-то бормоча себе под нос.

Мужчина бежал довольно быстро, постоянно оглядываясь в мою сторону, словно проверяя, не отстал ли я. Пробежав метров сто, он ворвался в какой-то подъезд. Я кинулся за ним.

Город удивительно преображается, когда сворачиваешь с главных улиц. Обвалившаяся штукатурка, граффити, капающие трубы, ветхие крыши, бездомные собаки, пар отопления и тяжелый запах, бьющий в нос.

Я почти не успевал ориентироваться в местности, которую мы на пару с незнакомцем стремительно покрывали. Я видел лишь его спину. Мы взбежали по лестницам, достигнув чердака. Мужчина неплохо ориентировался в этих зданиях и конструкциях. Он четко и без задержек нырнул в нужные проходы и лазейки. На ходу толкнув дверь, он выбежал из чердака на крышу. Я упорно следовал за ним. После чердачного полумрака резкий солнечный свет был нестерпим. Незнакомец на мгновение потерялся из виду. Я оглянулся. Это была крыша одного из пятиэтажных зданий, похоже, еще прошлого века. Провода, трубы, черепица, деревянные помосты.

Мужчина стоял поодаль, словно дожидаясь меня и по-прежнему держа мои перчатки в руках. Я опять бросился за ним — незнакомец тут же продолжил свой бег.

Здание оказалось достаточно длинным, зигзагообразной формы. Наконец край крыши был почти достигнут. В этой части дома чердачного хода не было. Пожарную лестницу мы уже пробежали, она осталась чуть позади. Это означало, что дальше дороги нет — ближайшее к этому здание стояло метрах в пятнадцати. Оно тоже было пятиэтажным, одинаковой с этим высоты.

Мы вынуждены были остановиться.

Я попытался отдышаться.

— Сэр! — задыхаясь, кричал я. — Сэр, отдайте мои перчатки! Я не буду... не буду заявлять в полицию. Обещаю. Даю слово. Просто верните... верните печатки!

Конечно, было глупо бежать вот так, сломя голову, по крышам, за какими-то перчатками, но я поддался инстинкту преследования. Азарт, наверное. К тому же мне хотелось выяснить, почему я видел этого человека второй или уже третий раз за сутки.

Внизу — я заметил — шумела компания подростков.

То, что произошло дальше, в который раз повергло меня в шок. Мужчина огляделся, подошел к краю крыши и, сильно толкнувшись, в считанные секунды оказался на крыше соседнего дома — через пятнадцать метров от этого. Это было физически невозможно. Я отказывался верить своим глазам. Есть те, кто увлекается подобными штуками, я знаю таких людей и знаю, на какие вещи способны эти ребята, видел неоднократно — это производило впечатление. Но я никогда не видел, чтобы человек был способен с места, без перепада высот, вот так запросто покрыть расстояние в пятнадцать метров. Полная ерунда!

Подростки внизу оживленно зааплодировали перелету незнакомца.
— Йе-е! — кричали они. — Молоток! Давай еще! Слабо теперь обратно?
Я подошел к тому месту, где только что стоял мужчина, и аккуратно посмотрел вниз. От высоты у меня закружилась голова.

Теперь подростки заметили меня.

— Ты с ним, чувак? Давай! Сделай так же! — кричали они снизу. — Сейчас, подожди, включим камеру на мобильнике! Завтра приколемся с друзьями, выложим в инет!

Я отошел чуть назад.

Мужчина стоял на краю крыши напротив и смотрел на меня.

«Не-е-ет, — подумал я. — Я не идиот. И такие вещи делать не собираюсь». Я побежал назад к пожарной лестнице, стараясь не упустить мужчину из вида.

Подождав мгновение, он исчез в чердачном проеме.

Пока я, ругаясь, продирался сквозь нагромождения пожарной лестницы, незнакомец уже успел выбежать из здания и направился к своей машине.

Из последних сил, спрыгнув с последней секции лестницы и чуть не подвернув ногу, я попытался его догнать. Он спокойно открыл дверцу, сел, завел двигатель, зарывавший по-львиному, и с пробуксовкой рванул с места.

«Вот черт!» — произнес я про себя, почти плача от досады, и встал, чтобы перевести дух.

Машина резко остановилась. Я уже снова рванулся в погоню, безотчетно, — догнать бы я никого не смог, разумеется, — как из автомобильного окна высунулась рука незнакомца. Мои перчатки упали на дорогу. Машина резво тронулась с места и, повернув из переулка на Гайд-стрит, скрылась из виду.

С небольшим облегчением я поднял с земли перчатки и отряхнул их. Сердце все так же бешено стучало в висках.

Глава 4

Оставшуюся часть рабочего дня я провел словно в анабиозе. Мозг, получивший критическое количество информации, в целях сохранения своего здоровья отключился, оставив только жизненно необходимые функции: поднимать трубку, говорить: «Здравствуйте. “Маркетинг Индастриз”. Дэйв Адамс. Чем могу помочь?»; смотреть в монитор и, наконец, позволять телу отправлять естественные потребности.

Пару раз я наткнулся на Рэйчел, радостный Саймон что-то мне рассказывал, несколько раз я замечал на горизонте итальянский костюм Роберта Кертиса. Ничего не имело значения. По крайней мере, сегодня. Но, как выяснилось позже, я совершенно зря так рано «списал» день и расслабился.

Кофе несколько исправил ситуацию к вечеру, когда основная часть сотрудников разбрелась на выходные, а я смог собраться с духом, чтобы забрать свою машину. Опоздывать, как предупреждал меня Пит, было вовсе нежелательно.

Я люблю смотреть на вечерний город из окна машины, сидя на пассажирском кресле. Можно расслабиться и перестать замечать цвета светофора, дорожные знаки, угрюмые лица и сигналы вечно недовольных водителей, вынужденных по десять, а то и больше процентов своей жизни, проводить за рулем в автомобильных пробках.

Город красив поздним вечером и ночью. Он вспыхивает миллионами разноцветных огней и отблесков, будоража воображение; оживляется нами, спешащими покинуть душные офисы, склады и подвалы; наполняется запахами кондитерских, парфюмерных магазинчиков и супермаркетов; заливается морями эмоций, реками новостей и потоками радостных встреч. Удивительное время суток.

Канун Рождества делал город еще прекраснее. Зима вообще особенное время года для меня. Символ перемен, начала чего-то нового. Подарки, украшения, большие мохнатые елки и маленькие нарядные елочки, счастливые дети, их не менее счастливые родители, звуки колокольчиков, и, конечно, Санты. Санты повсюду. Днем они будто отсыпались, а вечером брали город под свою опеку.

Виды из окна такси совсем отвлекли меня, и я несколько удивился, когда машина остановилась возле уже известного мне магазина «Севен». Я протянул водителю две десятки и сказал, что сдачи не надо. Он поблагодарил и скрылся в темноте переулков.

Ничего не поменялось за время моего отсутствия. Все так же пустынно. Та же брань из-за забора, то же нагромождение кузовов и покрышек. Правда, собак сейчас не было видно.

Мой «форд» стоял там, где я его оставил, чуть припорошенный снегом. Все осталось прежним и внутри автосервиса. Пит сидел на стуле и паялся в телевизор. Впрочем, на этот раз, он соизволил повернуть голову в мою сторону и даже, что меня почти растрогало, улыбнулся мне.

— Привет, Пит! — начал я. — Как дела? Что показывают на этот раз?

Пит отложил чипсы, которые до этого момента грыз с хрустом, и, вытерев о штанину масляные пальцы, протянул мне руку. Скрывая легкое пренебрежение, я пожал ее.

— Привет, коли не шутишь! — Наконец он поздоровался. — Кажут про волшебные овощерезки. Они режут все подряд. Акция какая-то. Десять лезвий в подарок, сумка там дорожная, еще что-то. Не помню уже. Все дела. А так — полезная в хозяйстве вещь. Да, я даже телефон записал. Хочешь, дам?

— Давай как-нибудь в другой раз, идет? Ты лучше скажи, что у меня там с машиной?

Пит сначала посерьезнел, потом расхохотался, а потом вообще замолчал. Я наблюдал за эволюцией его состояния. Наконец он заговорил:

— Ну, это. В общем, починили мы ее. Вот. Только ты это, в общем, я знаю, что, судя по твоему виду, ты в нее редко заглядываешь, типа в офисе сидишь, наверное...

Я не совсем понимал, к чему ведет Пит.

— В общем, ты в нее воду не заливай больше, — продолжил он. — Ладно? Лучше бензин. Она, того, на нем лучше ездит!

У меня волосы зашевелились на затылке. Я, конечно, сидел в офисе, но только полный дурак может залить вместо бензина воду и заставлять машину на ней ездить.

— Прости, Пит, не понял. То есть как — воду?

— Ну вот так. У тебя в баке вода.

Я огляделся по сторонам.

— Пити, ты решил с друзьями пошутить надо мной? У меня сегодня выдался нелегкий день. Давай посерьезнее. Что там все-таки было?

Пит шумно вздохнул. Потом молча выпрямился, нахлобучил кепку с длинным козырьком, взял пустой стакан со стола и, выходя в дверь, жестом указал мне следовать за ним. Я повиновался.

Мы подошли к машине. Пит извлек из кармана длинную тонкую трубку и засунул ее в бак. Потянув воздух в себя, он сцедил жидкость из бака в стакан. И все так же, молча, сделал пару глотков, а затем протянул мне со словами: «Убедись. Воняет только чуток. А так — нормально. Пить можно». Я ошарашено отпрянул, сообщив, что полагаюсь на его нормальные вкусовые пристрастия. История с водой трудно укладывалась в голове. Мы вернулись в помещение.

— Мы с ребятами сами поверить не могли сначала. Потом долго смеялись над тобой. Только ты это, не обижайся. Мы по-доброму. Но тебе повезло. Обычно, если вода попадает в двигатель, это жесть. У тебя вроде нормально все. Мы там продули, перебрали кое-чего. Воду сливать специально не стали — я так и думал, что ты не поверишь. Сейчас

скажу своим, они там доделают, зальют, чего надо. Так что не переживай. Эй, Бредди! Все, приводи «форд» в порядок! Бредди! Слышишь? — крикнул Пит в дверь, что вела во двор сервиса.

Из двери вышел здоровенный мужик, измазанный чем-то черным, в смешной пепельно-серой от грязи шапке. Он держал в руках темно-зеленую канистру. Мужик блеснул белками глаз и снова скрылся в дверном проеме.

Через пятнадцать минут все было закончено. Пит рассчитал меня, я положил на стол нужную сумму и поблагодарил его, еще раз вместе с ним удивившись странному случаю с водой в бензобаке.

— Да, кстати, — заметил Пит напоследок, — мы там сразу все системы проверили. Вроде все работает. С магнитолой только там не контактило кое-что. Но мы все поправили. Так что — бывай! Ну, и мы закрываемся на сегодня.

— Ох, спасибо еще раз!

Я вышел из сервиса. Пит закрыл за мной дверь. Раздумывая над произошедшим, я уселся в машину. Кое-что было особенно необъяснимо: если вода попадет в систему бензораспределения, то за пятнадцать минут проблему не исправишь. Хотя, кто знает, может быть, эти ребята и вправду кудесники, и патрульный не зря мне их посоветовал.

Двигатель завелся с пол-оборота. Кажется, он звучал даже лучше, чем прежде. У меня камень с души упал. Куда ехать сейчас? Моя рука крепко сжимала найденную в обед записку.

Я включил радио. Где-то передавали новости, которые мой разум уже не в силах был принять, на некоторых станциях крутили мелодии прошлых лет. Хотелось что-нибудь посовременнее и повеселее. Я начал перелистывать радиостанции, но сигнал пропал. Я выкрутил ручку громкости на максимум. Из колонок доносилось только шипение усилителя — радиосигналов не было.

«Черт, что они там с моей магнитолой сделали!» — досадовал я.

Внезапно в эфире послышалось чье-то покашливание. Я убрал руку с приемника и с интересом стал ожидать дальнейшего. Покашливание прекратилось, заговорил мужской голос:

— Привет, Дэйв. Надеюсь, я не сильно испачкал твои перчатки?

От удивления я, кажется, даже открыл рот.

Голос продолжил:

— Как ты думаешь, может ли человек преодолеть законы земного тяготения?

Способен ли он пролететь пятнадцать метров? Поднять машину? А, Дэйв? Ты думаешь, это невозможно?

Удивление сменилось не проходящим страхом. Я принялся менять радиостанции. На всех частотах — голос незнакомца, которого я сегодня тщетно пытался догнать и которого вчера видел на стоянке.

— Может быть, ты хочешь так же? Дэйв, спроси себя. Хочешь ли ты нарушить...

И тут я понял, где слышал этот голос. Я слышал его вчера во сне, когда задремал в офисе и мне снилась вся эта белиберда с Фуджи Китано и покрышками. Боже мой! Неужели он?..

Я отстегнул ремень и кинулся к двери сервиса. Дверь оказалась заперта. Я принялся барабанить в нее что было мочи, дергать ручку — безрезультатно. В окошке неожиданно появилось чье-то лицо. В полумраке мне показалось, что это лицо Пита.

— Пит! Что вы сделали с магнитолой? Кто-нибудь приходил, пока вы...

Уличный фонарь скрипнул, качнувшись на ветру. В тусклом свете я разглядел лицо того, кто стоял по ту сторону двери. Это был не Пит. Это был тот, за кем я гнался утром и кого слышал сейчас. В ужасе я отскочил назад. Незнакомец невозмутимо смотрел на меня. Я снова принялся барабанить в дверь.

— Откройте сейчас же! Что за розыгрыши?! Откройте немедленно! Я вызову полицию!

Между нашими лицами было не больше метра. И всего лишь дверь с небольшим окошком. Мне стало не по себе от его взгляда. Незнакомец усмехнулся и исчез во мраке.

Я попытался обойти здание. Но все оказалось закрыто. Как будто все внутри внезапно исчезли. За воротами мне удалось разглядеть очертания «корвета», который я не заметил, когда выходил из такси. Все тот же желтый «шевроле» с черными полосами. Выругавшись и походив кругами минут десять, я вынужден был снова сесть в машину.

В салоне на всю громкость играла музыка городской радиостанции. Ведущий бодро рапортовал о температуре за окном и погоде на предстоящие выходные. Никаких следов постороннего присутствия. Я перещелкал несколько радиостанций, найдя наконец то, что искал, — современное и веселое. Ужас, охвативший меня с появлением здесь незнакомца, понемногу начал отступать, но сменился тревогой. «Каких только психов не встретишь!» — успокаивал я себя. Я чувствовал, как кипит внутри меня кровь. Придавать происходящему слишком большое значения было опасно. Взять себя в руки! Я посмотрел на часы — семь десять вечера. Мне следовало доехать до дома и переодеться — я обещал Кертису быть у него в назначенный час. Я снова достал записку из кармана и перечитал ее. Зачем это все? Я надавил на педаль газа.

На углу Тридцать второй и Четвертой стоял восьмиэтажный жилой дом. Это была постройка индустриальной эпохи, зданию, по моим прикидкам, лет тридцать-сорок. В окнах начал зажигаться свет — люди возвращались домой после работы. Кое-где комнаты изнутри подсвечивались отблеском телевизионных экранов. В некоторых квартирах висели плотные шторы, в некоторых — прозрачные занавески, как правило, на кухнях; и в этом случае можно было различить силуэты передвигающихся внутри фигур — семейный ужин требовал время для приготовления.

На первом этаже дома располагался магазин музыкальных инструментов и крохотный магазинчик автозапчастей. Оба были закрыты. Слева от здания по Мэдисон — несколько точно таких же домов, за ними начиналась аллея, — кажется, она называлась аллея Славы, — я редко бывал в этих краях. Дальше Мэдисон уходила к центру города. По Четвертой дома были поменьше, улица не очень хорошо освещалась, и, кроме продуктовой лавки и кафе, я ничего не видел. Словом, обычный, ничем не выделяющийся район на окраине. Это меня успокаивало.

Сидя в машине перед перекрестком, где свет уличных фонарей едва доставал до земли, я совершенно не понимал, почему же я все-таки приехал сюда в назначенное время, — диджей объявил по радио без семи минут девять.

Я все время думал о записке, пытаюсь что-нибудь разглядеть для себя в каком-либо из окон дома напротив. Я не знал, откуда и в каком порядке нумеруются квартиры, в результате чего мне приходилось просматривать все окна. Но ничего выдающегося обнаружить мне не удавалось. «Главное, чтобы меня никто здесь не заметил. Только лишь бы меня не заметили здесь», — говорил я про себя. Все это было странно. И странно, что я здесь. Меня так воспитали: что, если ты кого-то действительно любишь, нельзя поддаваться влечению к другому человеку, следовать на поводу у своих низменных инстинктов. Себе мы легко прощаем вот такие внезапные и в сущности невинные, как нам кажется, поездки, но свирепеем, делая поспешные выводы, когда тот, кого мы любим, совершает что-то подобное. Я взял себе за правило думать только об одном человеке, посвящать ему всего себя, стараясь каждый раз находить нечто интересное в наших отношениях. И когда в моей голове возникали мысли о других женщинах, я вспоминал о Дженифер, размышлял о том, куда бы мы поехали вместе, вспоминал о том, что нам с ней уже удалось пережить. Я думал о том, как бы могло ее обидеть мое поведение, а я не хотел причинять ей страдания. Да, это выбивало меня из колеи, отнимая силы, нервы и время, чтобы справиться с самим собой. Мне не нравилось, когда мои желания уходили из-под моего контроля. Я считал, что, только полностью следуя выработанным правилам,

смогу остаться в той логике событий, которую себе наметил: институт, работа, семья, дети. Только так.

Я открыл дверь и вышел из машины. В лицо пахнуло свежей прохладой. Я набрал в легкие побольше воздуха, сделав несколько глубоких вдохов, и зашагал в сторону дома на углу улиц. Через пару минут я смог отыскать нужный подъезд. Вход находился с обратной стороны дома. Это порадовало меня.

В подъезде было тепло, но мрачновато. Зеленые стены, тонкие перила, тяжелые двери. И совершенно тихо. Слышно было только, когда я шел мимо квартир, как внутри работал телевизор. Человеческих голосов слышно не было. Сердце глухо стучало в груди. Стук усиливался по мере подъема, пролеты между этажами были достаточно большими — офисная работа и снимаемая квартира на втором этаже без дополнительных физических нагрузок давали о себе знать. Наконец я поднялся до нужного этажа. Площадка с квартирами уходила в небольшой коридор налево. В конце коридора я заметил пыльное окно, на подоконнике — банка из-под консервов с окурками. Площадку освещала тусклая, покрашенная в красный цвет лампочка. В ее свете мне с трудом удалось различить номера на дверях. Квартира с номером 32 была второй с конца коридора. Я остановился перед ней. Шум в ушах и глухие удары сердца не позволяли расслышать, что происходит внутри. Казалось, и здесь никого не было. Часы показывали без двух минут девять. Слегка подрагивающей рукой я взялся за ручку, не поворачивая ее.

Боже! Зачем я здесь? Почему я пришел? Дженифер... Что она подумает? С другой стороны, что в этом такого? Я же просто хочу разобраться! Но разобраться в чем? Неужели и без этого не понятно, что меня здесь ждет? Что произойдет, если я нарушу данное себе обещание? Выходит, полетит к черту вся цепь событий? Неужели мне мало того, кто мне дорог? Мало того, что есть у меня сейчас? Разумный человек не может совершать противоречивые поступки. Делать совершенно все, что вздумается? Тогда, выходит, можно нарушать правила, по которым сам живешь! И если все начнут нарушать их? Что будет, если яблоки станут падать не вниз, а вверх? Мир тогда перевернется в прямом и переносном смысле! Аварии, столкновения самолетов, разрушенные предприятия — все окажется в хаосе! Но, слава богу, нельзя заставить падать яблоко вверх! И все самолеты летают, все заводы работают! Если я сейчас сделаю шаг внутрь, я разрушу все, что сделал до этого, все, что имею. Если я разрушу все, я останусь один, окажусь в депрессии, в итоге потеряю работу, от меня уйдет Дженифер, я разочарую отца, Роберта Кертиса, лишусь стабильности, не смогу оплачивать квартиру, содержать машину... Что будет тогда? Кому я буду нужен? Я могу всю жизнь проболтаться внизу, не имея возможности нормально поесть, повеселиться, пожить той жизнью, которой могу жить. Иметь свой дом, который я должен иметь, отдыхать в других странах, да много чего еще! Смогу ли я обрести новую жизнь, если будет так, как я думаю? Предложение Фуджи Китано? Но это же всего лишь планы! Что будет, если ничего не выйдет там, куда он меня зовет? Будет ли мне там хорошо? Кого я там найду? А как же мои близкие здесь? Им нужна моя помощь, а своим решением я все разрушу. Ведь у меня уже здесь и сейчас есть что-то, за что можно зацепиться, продвинуться вперед! Семья, знакомые, друзья... Я не могу... Не могу это сделать... Это просто нельзя делать. Разумный человек не даст себе этого сделать. Черт, я совершил ошибку, что приехал сюда... Зачем я это сделал?! Я должен как можно быстрее уехать отсюда!

Словно пелена, окутавшая меня на какое-то время, спала. Я увидел, что все еще держусь за ручку двери, резко одернул руку, развернувшись, и почти побежал вниз по лестнице. «Скорее отсюда! Скорее!» — твердил я себе, минуя лестничные пролеты.

Где-то, наверное, как раз на четвертом этаже, щелкнул замок, и дверь со скрипом открылась. Я не стал останавливаться, а пулей вылетел из подъезда. Чуть не угодив под проезжающий грузовик, я вскочил в машину и рванул с места. «Нельзя сделать так, чтобы яблоки падали вверх... нельзя...» — гудело в моей голове, пока я через весь город направлялся к мистеру Кертису.

Роберт Кертис был образцом надежности. По крайней мере, в части работы и земных ценностей. Еще в колледже ему с группой студентов удалось получить несколько грантов на ряд научных разработок для военных. Полученные деньги он, насколько было мне известно из обрывков разговоров отца с моей матерью, вложил с парой своих приятелей в мебельный бизнес, порекомендовав им научные разработки одному из своих однокашников. Кертис сделал это очень вовремя — программу на следующий же год свернули, и все время оказалось потраченным впустую. Мебельное дело набирало обороты. Небольшой цех в гараже Кертиса-старшего был обеспечен заказами на месяц вперед. Уже в то время Роберт купил себе машину, которую в его возрасте могли позволить себе только дети богатых родителей. Сам он к таковым не относился. Кустарный промысел всегда оставался временным. Спустя время Роберт закрыл свою сборку, озадачившись поиском более надежного заработка и более престижного места. Ему был необходим опыт. Кертис сменил с десятков компаний, постоянно переходил в более крупные и стабильные. И каждый раз он словно угадывал нужный момент — кто-то разорялся, где-то сокращали штат, кого-то скупали. Кертису удалось запустить несколько проектов, в которых он был собственником, но не осуществлял, что называется, оперативное руководство, а просто получал дополнительные деньги. В конечном итоге он приобрел три машины, два дома, одевался в лучших магазинах и обедал в лучших ресторанах. На работу в «Маркетинг Индастриз», похоже, он смотрел как на путь получения доли в крупной компании перед возможной ее продажей. До должности директора компании его, по сути, отделял один шаг, который, я был уверен, он смог бы сделать уже в ближайший год. Никаких полетов в облаках, плюшевых медведей, песочных замков. Никаких отступлений от намеченной цели. Судя по всему, если в голове Кертиса и возникало когда-либо желание все бросить, начать заново или просто лечь на диван и предаться философствованию или лирике, он жестко это желание пресекал. Роберт Кертис точно знал, чего хотел, и добивался этого. Меня он учил тому же. Ему нравилось то, что он делал. А это немаловажно. Возможно, именно благодаря выработанной еще в юном возрасте четкой жизненной позиции, Кертис не спешил связывать себя узами брака и, тем более, детьми. По его мнению, жениться можно только тогда, когда достигнешь стабильности, а машины и дома пока не гарантировали счастливого и обеспеченного будущего. Кертис был жестким человеком. Работа делала его таким или это было в нем изначально, и он добивался всего в жизни благодаря жесткости? Скорее всего, и то и другое.

Новый дом мистера Кертиса располагался в пригороде. Построенный не больше пяти лет назад, он выглядел респектабельно, и от него веяло свежестью. Мне нравились современные постройки. Я не любил заплесневелый налет пожитости старых зданий. Человек должен существовать в современном мире. В этом я был убежден.

В девять тридцать я подъехал к дому, заглушил мотор и вышел из машины. Звезды, словно стараясь не разбудить небо, проступали крохотными огоньками. Это было чистое, тихое место, очень спокойное. Лишь в доме Роберта за дверями слышалась музыка и чьи-то голоса. Кажется, Гейл был уже здесь.

У меня в кармане завибрировал телефон. Снова Сильвия. Наверное, я был прав насчет огня в ее глазах. Мне не хотелось отвечать сейчас. «Может быть, позже перезвоню», — подумал я и положил телефон обратно в карман брюк. Я направился к дому через сад по мощеной камнем дорожке. «Сильвия, Сильвия, это снова ты...» — вздыхал я про себя.

Внутри оказалось весьма людно. Саймон Шекли, Эдвард с женой, Рэйчел, несколько человек из смежного отдела, много почти совсем незнакомых лиц, Гейл, безусловно, сам Роберт Кертис и, конечно, Ванесса. Она была особенно прекрасна в тот вечер.

По запаху в доме чувствовалось, что алкоголя было выпито уже достаточно. Роберт, завидев меня, распростер руки, громко представив меня всем присутствующим.

— А это наш самый перспективный сотрудник! Прошу поприветствовать! Дэйв Адамс!

Я почувствовал себя неловко от того, что мне было уделено так много внимания, тем не менее я поблагодарил Кертиса и постарался настроить себя на позитивный лад, улыбнувшись и оставляя в прошлом все переживания по поводу недавних событий.

Шампанское и вино лились рекой. Я старался не пить, поскольку мне предстояло еще ехать обратно — разбираться с полицией перед завтрашним днем рождения не входило в мои планы.

— Дэйв! Давай с нами! Мы пьем за Кертиса! — кричал Шекли, обнимая Рэйчел. Сам Кертис подхватил:

— Давай, Дэйв! За меня!

Мне пришлось отпить из бокала.

Чтобы избежать подобных подначиваний и отчасти из любопытства я стал бродить по дому. Три ванн, четыре спальни, большая светлая столовая. Ванессе повезло. Такой особняк — мечта многих женщин. Однако пока, насколько я понял, они с Кертисом еще не переехали сюда окончательно.

Вся публика разбилась на компании, распределившиеся по дому. Шекли, Эдвард со своей супругой и еще пара знакомых мне мужчин и женщин сидели в дальней от входа большой комнате с роскошными диванами, люстрами и торшерами. В центре этой комнаты на столике стояли две открытые бутылки коньяка и вина. Компания оживленно что-то обсуждала. Я вошел и встал около двери, держа в руках ополовиненный бокал шампанского.

— Мне кажется, выбор Кертиса закономерен, — рассуждал в это время Саймон. — Надеюсь, что он меня не слышит. Только никому не слова! — потребовал он. — Ведь не секрет, что отношения возникают часто именно на работе. Флирт, секс без обязательств, дружба и даже брак. Как увещевает нас мистер Кертис. Это я в отношении его избранницы мисс Пэйдж. А кто знает, почему? — Саймон окинул взглядом всех присутствующих.

— Ну, это же очевидно, — ответила Сара, жена Эдварда, высокая стройная женщина с роскошными рыжими волосами. — Люди просто устают от работы, им хочется чего-то нового, чего-то, что бы разнообразило их рутинную однообразную деятельность.

Саймон отпил из стакана с коньяком.

— Возможно. Но мне кажется дело в другом.

Он забросил руки за спинку кресла, в котором сидел. Я с интересом следил за ходом беседы.

— Вы знаете, у меня есть правило: я не знакомлюсь с женщинами на улице. Да-да. Удивлены? Штука в том, что за приятной внешностью может скрываться ужасный голос, глупое поведение, хамство, дурная речь. Да все, что угодно. Нет, ни в коем случае это не слова против женщин. Женщины всегда были и остаются самыми прекрасными созданиями на нашей земле! Но мне, например, не нравятся слишком высокие голоса. Или когда женщины хамят. Или если они необразованны. Кому-то — да. Мне — нет. То же, я уверен, испытывают женщины, когда обнаруживают, что старательно подмигивавший им на вечеринке рослый красавчик с прекрасной белозубой улыбкой не может связать двух слов. Впрочем, это не всегда и нужно, особенно, если коктейлей выпито достаточно — вряд ли вы пуститесь с ним в дебри трактатов Ницше. Но не об этих случаях речь. Нам нужно, чтобы в человеке было что-то — черты характера, особенности поведения, образ жизни и т. д., — что мы сочтем для себя интересным. Только имея интерес к человеку, мы сможем с ним общаться. Иначе мы просто потратим время на пустой разговор. В таком случае мы никогда не наберем номер телефона, который даст незнакомка, будь она даже прекрасна. Действительно — зачем? Но штука в том, что даже сверхинтересный человек

может показаться нам неинтересным по первым минутам общения. Допустим, этот человек невероятно глубоко разбирается в средневековой живописи, имея при этом свой личный взгляд на «темную» эпоху. Или он может писать великолепные стихи. Или он необычайно тонкий психолог. А может быть, он окажется превосходным скалолазом или альпинистом, покорившим все восьмидесятичники на нашей планете. Но узнаем мы об этом, только если начнем общаться. А общаться мы начнем, только если человек нам покажется интересным. Получается замкнутый круг.

Эдвард достал сигареты и протянул одну из них Саймону по его просьбе.

— И что делать? — спросил Саймон.

— Вот тут-то на помощь и приходят коллективы с принудительным общением, как я их называю.

— Поясните, мистер Шекли, — попросила Сара.

— Все очень просто. То, что мы быстро заканчиваем общение с теми, кто нам показался неинтересным, это наше правило. Правило логичное. Правило, которым мы пользуемся, даже не замечая этого. Пользуемся по нескольким причинам. Первое: мы ищем легкий путь и не хотим тратить время на то, чтобы открыть двери, мы ждем, чтобы двери сами перед нами открылись. Но постоянно находиться в поиске — это тоже затраты. Временные, нервные, мало ли еще какие. Второе: мы боимся. Неудачи, оскорбления, потери времени (смотри пункт первый). Это более частая причина, о которой мы даже не подозреваем. Что поможет нам преодолеть наш страх?

Принудительное общение. Мы вынуждены общаться на работе даже с теми, кто кажется нам неинтересным. В процессе работы мы не раз сталкиваемся друг с другом в самых разных ситуациях и невольно при этом открываем свою личность, пусть отчасти. Иногда этого бывает достаточно, чтобы расширить общение и начать обсуждать друг с другом в офисе совсем не рабочие вещи. После чего мы можем открыться полностью или открыть как минимум те свои стороны, которые сделают нас интересными в глазах коллег.

— Да, но совсем не факт, что это обязательно произойдет! — парировал сквозь сигаретный дым Эдвард.

Саймон продолжал:

— А я и не говорил, что обязательно. Ваше право — смотреть новости вместо сериала. Вы сами делаете выбор. А телевидение просто предоставляет вам эту возможность. Так и здесь. Работа предоставляет вам такую возможность. Возможность, которой вы лишены, когда сидите дома перед экраном вашего лэптопа и читаете последние сводки происшествий, запивая чипсы пивом или заедая вареньем ватрушки со сметаной. Любой коллектив делает вас ближе к поиску тех людей, которые вам подходят. А уж на что они вам подходят — решать вам. Кому-то для секса без обязательств, кому-то для долгой дружбы, кому-то для брака.

— А что, если это сугубо женский коллектив? — спросил я. — Курсы будущих мам, например?

Саймон повернул голову в мою сторону.

— Тогда это возможность найти друзей. Да просто хороших или полезных знакомых. А может, в конце концов, и любовь — смотря какой ориентации вы придерживаетесь. Во всяком случае, это лучше, чем ни с кем не общаться, а, возвратившись домой после работы, утыкаться в любимую книгу или в любимый интернет-сайт.

— Хм, Саймон, ты слишком категоричен, — возразила Сара. — Надо и в книгу тоже утыкаться. Не все же по группам кодирования от алкоголизма бегать!

— Тем не менее, — ответил он. — Факт остается фактом. Статистика отношений на работе говорит сама за себя. Если бы я попросил поднять руки тех, кто прошел через не слишком рабочие на работе отношения, уверен, руки подняли бы все до единого. Вот и наш многоуважаемый начальник не оказался исключением. Я лично не уверен, что если

бы не «рабочие отношения», то он и мисс Пэйдж радовали бы сегодня нас хорошим коньяком!

В комнату ввалился уже изрядно выпивший мистер Кертис.

— О чем говорят мои орлы? — чуть заплетающимся языком спросил он. Ладно, не перепутал нас с куропатками.

— М-м, о пользе курсов для будущих мам! — остроумно отметила Сара. — За вас, мистер Кертис!

— За меня! — подхватил он. — Кстати! Кто взял с собой лотерейные билеты? Ну-ка, где они, дорогие? Хм. Уже семнадцать — а нет, двадцать минут — транслируют розыгрыш! Эдвард, включай скорее! Сейчас должны объявить итоговую выигрышную комбинацию и сумму джек-пота!

Некоторые из находившихся в комнате извлекли из карманов и сумок билеты. Как оказалось, играть в лотерею позволяли себе очень многие сотрудники. Это было что-то вроде развлечения на выходные.

На экране вспыхнуло изображение — переливающаяся разноцветными огнями студия с большим монитором в центре, на котором красовалась сумма главного выигрыша — 233 миллиона. Ведущий продолжал:

— Итак, напоминаю, что сумма сегодняшнего джек-пота является рекордной для национальной лотереи за всю историю ее существования! Сразу же после розыгрыша мы свяжемся с победителем, если таковой будет обнаружен в нашей системе. Для того чтобы стать претендентом на главный приз, вы должны были сообщить свою комбинацию нашим агентам и приобрести билет, гарантирующий вам выплату гонорара, — в случае победы, разумеется! Билет подтверждает вашу регистрацию, которую вы могли осуществить вплоть до четырех часов сегодняшнего дня! Итак, нам, наконец, стало известно последнее число в выигрышной комбинации. Давайте еще раз вспомним, какие числа уже были выбраны нами случайным образом из общего количества. Первое число — 3. Затем — 5. Потом — 14...

Я замер в ожидании. 3, 5, 14, 32, 33, 41 — вспоминал я цифры, которые называл мне нищий.

— Э-э, черт, так и знал, что и в этот раз не получится! — сокрушался Саймон. — У меня 3, 5, 17. Эх...

— О! Парни! Иду на джек-пот! — махал билетом Эдвард.

— ...Затем номер 32...

— Ну вот! Опять мимо! — Эдвард сошел с дистанции вслед за Саймоном.

— ...Номер 34. А нет, простите, номер 33. И наконец, номер... номер 41!

Я ошеломленно смотрел на экран монитора. Все вокруг теряло очертания, становилось мутным, все медленно вращалось вокруг телевизионного экрана, на котором крупно высвечивались выигрышные цифры. 230 миллионов... Рекорд для национальной лотереи. Это было просто невероятно. Непостижимо.

— Дэйв? — послышалось мне откуда-то сбоку. Кажется, говорил Саймон. Словно из другого мира. — Дэйв, у тебя такой вид, как будто ты угадал все числа! Какая твоя комбинация, Дэйв?

Я повернул голову и посмотрел на него не моргая, но так ничего и не ответил.

Ведущий, голос которого я слышал словно из-под толщи накрывшей меня воды, заканчивал:

— К сожалению, в нашей системе никто не указал выигрышную комбинацию.

Таким образом, джек-пот остается в лотерее и будет увеличен к следующему розыгрышу!..

В реальный мир меня вернула неожиданно появившаяся за моей спиной Ванесса.

— Мальчики, извините, он мне нужен! — сказала она.

Я слышал ее голос, но еще не отражал происходящего.

— Дэйв, пойдём со мной, — обратилась ко мне Ванесса. — Есть дело.

Я согласительно промычал, скорее бездумно, чем осмысленно. Она взяла меня за руку и вывела из комнаты. В следующий момент, когда я стал что-то понимать, Ванесса смотрела мне в глаза и говорила:

— Дэйв, Роберт уже не в состоянии, а мне сегодня нужно быть у себя — кое-что приготовить для завтрашнего переезда. Роберт в курсе. Такси я вызывать не хочу, а ты, как я знаю, не пьешь. По крайней мере, здесь особо не пил. Ты сможешь меня довезти?

Изо всех сил стараясь понимать смысл того, о чем просила Ванесса, я ответил:

— Довезти?.. Да... Наверное... Да, конечно... Хорошо...

За такой ответ при проверке на вменяемость в полицейском участке я рисковал сесть на несколько месяцев.

— Только мне надо... надо немного прийти в себя.

— Конечно, — кивнула Ванесса. — Я не слишком тороплюсь. Чай? Покрепче?

— Да. Думаю, это было бы кстати, — ответил я и, после того как Ванесса удалилась на кухню, поплелся в ближайшую спальню.

— А-а! Вот ты где! — меня перехватил Гейл. — Пойдем-ка, друг, посидим вместе со мной! У меня есть отличное вино для тебя!

— Не-не, Гейл. Сегодня только чай. Хватит с меня.

Я решительно замотал головой, и моя решительность произвела впечатление. Гейл был сражен настолько, что поддался инстинкту и замотал головой в такт мне.

— О'кей, Дэйви. Чай. Уважаю! Пойдем!

Гейл сгреб меня в охапку и усадил рядом с собой, после чего тут же уткнулся в телефон. Я попытался различить, что он там делает.

— Сообщаю своим любимым женщинам, как короче проехать до этого дома! — То ли в шутку, то ли всерьез ответил он на мой незаданный вопрос. — Нашему хозяину уже все равно, так пусть хоть кому-то еще в этом мире станет так же приятно, как и мне! — заключил Гейл.

Я скорчил мину.

— Гейл, как ты с ними всеми общаешься? Тебе не надоедает? Все эти сообщения, звонки, Интернет... Что это тебе дает?

Он дописал очередное сообщение и поднял голову.

— Хм. Давно тебе хотел рассказать одну забавную теорию на этот счет.

Судя по всему, у меня был вид человека заинтересованного и готового послушать, — Гейл продолжил:

— Ты знаешь, Дэйв, совсем недавно я понял, что, общаясь со всеми ними, я общаюсь с самим собой.

Я округлил глаза. Скажи подобное любой другой, я пропустил бы это мимо ушей. Но Гейл обладал удивительным свойством — не терять способности мыслить и рассуждать логически даже в минуты безудержного веселья. Его мозг работал как контролер на концерте Бритни Спирс, неумолимо требовавший от обезумевших фанатов плату за вход.

Гейл отпил из бокала.

— Дело в том, что каждый человек, каждый, с кем мы общаемся, представляется нам как определенный набор слов, фраз, черт поведения, ну и других, связанных с ними, вещей. Набор этот, вообще говоря, ограничен: каким бы разнообразным ни представлялся человек, он всегда сдержан рамками своего, так сказать, генерального поведения. Если человек циник, не стоит ждать от него милосердия матери Терезы; если он, напротив, жалостлив, то вряд ли посмеется над тобой. Я понимаю, примеры несколько утрированы, но тем не менее. Итак, можно сказать, что любой из нас имеет некий контакт-лист персон, с которыми поддерживает связь. И вот мне становится грустно, тогда я, допустим, пишу — или звоню — Джону, Элайзе, Кэтрин. И при этом я знаю, что, скорее всего, Джон постарается меня развеселить, Элайза будет грустить вместе со мной, а Кэтрин найдет нужные теплые слова. Если же я хочу, чтобы меня пожалели, я напишу или позвоню

Дженис и Кортни. Так как точно знаю, что они способны пожалеть. И я не стану звонить Джону, потому что он не умеет или не станет выражать жалость и сочувствие и вряд ли сможет подобрать нужные мне в этот момент слова. Сейчас, например, я отправил сообщение Кортни Хьюит. Я точно знаю, что ей интересно находиться рядом со мной и что по вечерам у нее позитивное настроение, вообще она любит тусовки, а кроме всего прочего, образованна и может поддержать разговор. Кортни — то, что мне нужно для сегодняшнего вечера. — Гейл говорил спокойно и рассудительно, словно был на сто процентов уверен в выдвинутой им теории. — Таким образом, каждая персона нашего контакт-листа является заранее известным нам набором вероятных ответов, безусловно, с неким элементом случайности — мы не можем абсолютно точно знать, какова будет реакция на конкретное обстоятельство, но можем обозначить определенный диапазон допустимых «значений» реакции данного человека на данную ситуацию. Ключевая фраза — «заранее известный нам набор ответов». Пусть известный не абсолютно точно. Я думаю, здесь уместна аналогия с пунктами питания. Ну предположим, мне нужно перекусить — быстро и без изысков, тогда я иду в Макдоналдс. Если я собираюсь поболтать с друзьями, сидя за чашкой ароматного кофе с шоколадным печеньем, — мне подойдет Старбакс. Если же я хочу поесть вкусно, с наслаждением, не спеша — к моим услугам пятизвездочный ресторан «Цезарь» на Третьей авеню. Каждый человек для нас почти тот же ресторан, кафе или закусочная. Я не жду, что в Старбаксе мне предложат фрикасе из молодой ягнятины, тушеное с кусочками зеленого сельдерея, и подадут его с соусом из спелых овощей, и могу не опасаться, что в ресторане «Цезарь» меня накормят гамбургерами. А вот тут самое интересное! — Гейл предупредительно поднял указательный палец. — Раз мы знаем, кто и как нам ответит, и в конкретных обстоятельствах обращаемся к конкретному человеку за конкретной реакцией, выходит, мы «общаемся» сами с собой. Точнее, могли бы с таким же успехом «общаться» сами с собой. Искать внутри себя выход из сложившейся ситуации — такой, какой нам нужен. По сути, наш мозг именно этим и занимается!

— Но, Гейл, — возразил я, — почему же мы все-таки не общаемся сами с собой, а предпочитаем ходить с друзьями в Старбакс и отправлять сообщения, как ты сейчас, живым людям?

— Ответ на этот вопрос я не знаю, Дэйв.

— Я знаю! — поддержала разговор Ванесса, появившаяся с двумя стаканами ароматного горячего черного чая. — Тебе принести? — спросила она Гейла.

— О, нет, спасибо, — улыбнулся он.

Ванесса продолжила:

— Мы идем за тем, чтобы получить больше, чем просто буквы на экране нашего мобильного. Мы идем увидеть человека, услышать его, почувствовать аромат, который этот человек несет. Это наш мозг не способен ничем заменить!

— А вот тут, дорогая, ты ошибаешься! — ответил Гейл. — Наш мозг может все. Сымитировать образ человека, запах, музыку — все, что угодно. Достаточно вспомнить наши сны, которые бывают крайне реалистичными. Просто мы либо не пользуемся этой возможностью, не развиваем ее, либо...

— Либо боимся... — закончил я.

— Либо боимся, — подтвердил Гейл. — Общение с самими собой нам кажется шизофренией. И мы боимся того, что нас сочтут невменяемыми.

— Да, но это так и есть! — возмутилась Ванесса. — Получается, у себя в голове мы создаем копии самих себя...

— Нет, это не совсем так, — перебил ее Гейл. — Мы создаем не копии самих себя. Мы создаем других людей. Тех, кто нам нужен в разные моменты жизни. А вы со своей стороны, со стороны реальных людей, продолжаете общаться именно со мной, а не с теми, кого я придумал себе в утешение.

— А зачем кого-то придумывать? — не отступала Ванесса.

— Хм, девочка моя, к сожалению, не так-то просто найти в настоящем мире того, кто тебе действительно нужен. Мир вообще мало устраивает человека. Мы каждый день торчим в пробках, ходим на собрания, едим булочки с отбивными, смотрим новости. Потому что у нас нет альтернативы. Точнее, на самом-то деле она есть. Но нам кажется, что ее нет. Что может быть только так, а не иначе. Мы придумали, что альтернативы нет. Человеческое существо потому так и расплодилось на земле, что быстро ко всему привыкает: к булочкам с отбивными, новостям и собраниям. Нам кажется, что с этим ничего нельзя сделать. Что нельзя поменять людей вокруг, место работы, маршрут от офиса до дома, в конце концов. Поэтому и мозгу не остается другого выхода, как только «придумать» все это. Создать иллюзорный мир, несуществующих людей. Разве нет? — Гейл вопрошающе посмотрел на Ванессу.

— Все равно это болезнь! — протестовала она. — Явное отклонение от нормы!

— Нормы? — Гейл захохотал. — Позволь, я снова приведу пример из области питания. Вот, скажи, Ван, когда тебе лень куда-то идти или нет времени, или просто неохота, и ты варишь дома кофе и делаешь шоколадное печенье — это шизофрения?

— Ну, нет, конечно! — ответила она.

— Хорошо. А когда ты решаешь приготовить дома картофель фри и пару бутербродов с кунжутом и помидорами? Это шизофрения?

— Никакая это не шизофрения! — немного раздраженно заявила Ванесса.

— И даже когда вы дома накрываете на стол каре аргентинского ягненка, зажигаете свечи, стелите белые салфетки и наливаете вино тридцатилетней выдержки в бокалы по полторы тысячи за каждый?

— Да, в общем, нет. — Голос Ванессы стал тише, и сама она будто сникла.

— Но то же самое проделывать с людьми — болезнь?! То есть отправить кому-то сообщение — это в порядке вещей, а поговорить с выдуманным человеком внутри себя — уже шизофрения, да? Пойти пообедать в «Цезарь» — это нормально, а если вы готовите стейк дома — у вас не все в порядке с головой, так?

Ни я, ни Ванесса не нашлись, что ответить.

— Только я не могу понять: неужели страх признаться себе в том, что можно общаться с самим собой, так силен, что мы по-прежнему пишем письма реальным людям? — резюмировал Гейл.

Все трое мы какое-то время сидели не произнося ни слова.

— Гейл, — я нарушил молчание первым. — Скажи... а когда мы отказываемся верить в то, что машина может вместо бензина ездить на воде, это... тоже боязнь признать очевидный факт?

Гейл засмеялся.

— Дорогой мой! Рожденный ползать летать не может! Если ты купил свою машину не дороже 30 тысяч, на ней нет люков для инопланетян или надписи «Осторожно — экспериментальная модель!», то твоя машина, залей ты в нее воду вместо бензина, с места не сдвинется. И никакая боязнь тут ни при чем! Это закон такой. Правило. А нарушать правила разрешено только Всевышнему!

Гейл, закинув голову, демонстративно поднял руки к потолку. Я невольно посмотрел вверх. Тусклый свет, оказывается, лился в комнату от лампочки — люстру хозяева повесить не успели.

— Так, мальчики, похоже, пора заканчивать ваши умные разговоры. Я уже ничего не понимаю. Дэйв, ты отвезешь меня? — спросила Ванесса, вдруг оживившись.

— Да. Только мне нужно сделать один звонок. Я обещал, что позвоню не позже одиннадцати, — несколько растерянно ответил я. — Я позвоню, и мы поедем.

— Хорошо. Жду тебя у машины. Пока, Гейл! Веселись! Передавай привет своей Кэтрин!

С этими словами Ванесса удалилась.

Глава 5

— Что думаешь на этот счет? — спросил я уже в машине Ванессу.

— Насчет разговоров с самим собой в нескольких лицах? Я думаю, что это явный признак психического расстройства. Если ты открыт, легко сходишься с людьми, готов познавать новое, ты не станешь себе кого-то придумывать. Это же чушь какая-то!

«Ох, Ванесса, мир не так прост, как тебе кажется...» — подумал я, а спросил следующее:

— Ван, а если человек закрытый? Закрытый от природы?

— Значит, нужно открываться!

Ванесса занервничала. Это можно было заметить по тому, как она пальцами правой руки принялась трогать кончики ногтей левой.

— Давай не будем больше об этом. — Судя по тону Ванессы, ей действительно не терпелось сменить тему.

Но я все-таки задал ей еще один вопрос:

— Неужели ты никогда не представляла того, кого на самом деле нет?

Ванесса на мгновение задумалась.

— Н-нет, — наконец ответила она.

Видно, продолжать не стоило.

Дорога шла по окраине города на северо-восток. Было уже почти половина первого ночи. Город все еще горел огнями ночных клубов и пабов. Романтический рождественский настрой уступал на несколько часов время взрослым развлечениям. Город чуть менял оттенки с бледно-красного на насыщенный огненный с отблесками ярко-голубого и фиолетового.

Мы ехали спокойно, без спешки. Я смотрел вперед, по временам оглядываясь по сторонам.

— Ты знаешь, мне сегодня предлагали уехать из страны... На несколько лет. И заняться тем, чем я хотел заниматься еще с университета, но никак не мог найти подходящее предложение, потом мне стало некогда... А вот сейчас... И знаешь... Я отказался.

Ванесса о чем-то задумалась после моих слов.

— Почему? — не сразу спросила она.

— Я подумал, что у меня слишком много уже начато здесь... И оставлять все это так просто... Не знаю...

— Вот и мой дом. Ты можешь остановиться вон там, за телефонной будкой, где стоят машины, — Ванесса показала рукой сначала на небольшое двухэтажное здание с коваными решетками на окнах первого этажа, а потом на скопление машин, припаркованных вдоль дороги метрах в двадцати от дома. — Может быть, ты зайдешь?

Она посмотрела на меня. Отблеск фонарей встречной машины на мгновение осветил ее красивое лицо.

Нельзя отказывать женщине в простых просьбах. Я старался соблюдать этот принцип.

Мисс Пэйдж жила на втором этаже. Это была старая двухкомнатная квартира с высокими потолками, сплошь заставленная коробками — Ванесса готовилась к переезду. Уже и плафоны были сняты. Света напольных ламп оказывалось недостаточно, они лишь слегка рассеивали мрак, царивший в это время в квартире, что придавало особую, таинственную атмосферу.

Войдя, Ванесса тут же отправилась на кухню ставить чайник.

— Может быть, выпьешь кофе? — крикнула она.

— Да, пожалуй! — ответил я.

— Устраивайся, где тебе удобнее!

— Хорошо, конечно!

Я осмотрелся. Вдоль стен располагались шкафы, достигавшие почти потолка, заставленные книгами — философия, социология, психология, художественная литература. Часть книг была уже упакована в коробки. Я оказался у Ванессы впервые. Хотя когда-то мы были близки. Кроме книг на полках шкафов стояли фотографии. Их было много. В разных рамках, разных размеров, совершенно разных настроений и содержания. Чтобы разглядывать их в полумраке, мне приходилось смотреть на них почти в упор.

Ванесса закончила приготовления и появилась в комнате с чашками.

— Дэйв, скажи, почему ты на все пятничные вечеринки носишь красные рубашки? — спросила она и, приблизившись ко мне, протянула чашку с кофе.

— Ну просто мне кажется, что красный цвет яркий и хорошо подходит к сути процесса — когда можно веселиться, не переживая, что завтра на работу...

— А что будет, если ты вместо красной рубашки наденешь зеленую? Или синюю? — снова задала она вопрос, и ее рука легла на воротник моей рубашки.

— М-м, я думаю, ничего хорошего. Нельзя надевать на подобные мероприятия, например, синие рубашки. Синий выражает совсем другое настроение!

Чувствуя, что Ванесса приближается ко мне, я прижался спиной к шкафу, отводя руки назад.

— Скажи, Дэйв, почему ты согласился зайти ко мне?

Ее рука соскользнула с моего воротника, я почувствовал прикосновение прохладных пальцев. Ванесса обняла меня за шею. Я еще сильнее прижался к полкам, стараясь не пролить кофе.

— Я... Э-э... Понимаешь, есть такой принцип... Нельзя... отказывать...

Ее лицо приблизилось к моему настолько, что мне стало различимо ее дыхание. Сердце мое застучало сильнее.

— Нельзя отказывать? Мне это нравится...

Ванесса привлекла меня к себе за шею. Мои губы почти коснулись ее губ. В звенящей тишине, сгущенной темнотой стен, я отчетливо слышал биение сердца Ванессы. Я стал поднимать руки, скользя по полкам, чтобы затем высвободиться от ее объятий, но левой рукой зацепил одну из фотографий в стеклянной рамке — фотография рухнула вниз, со звоном разлетелись осколки.

Ванесса вздрогнула и ослабила объятие, чем я немедленно воспользовался и, опустившись на колени, стал собирать стекло.

— Дэйв, оставь, я уберу! Ничего страшного! — попыталась она вернуть ситуацию.

— Нет, нет! Ван, прости! Я... такой неуклюжий сегодня... Наверное, мне стоит пойти домой...

Тут я поднял фотографию и обомлел. На ней, среди прочих участников, был тот человек, которого вчера я встретил на стоянке, а сегодня возле закусочной, где я обедал, и потом в автосервисе. Но кроме того — рядом с ним стояла Сильвия Сэйнтс.

Я резко выпрямился и посмотрел на Ванессу, вероятно, совершенно дикими глазами, — ее взгляд, который я встретил, казался испуганным.

— Откуда она у тебя? Кто это?? — почти закричал я, тыкая в фигуру на фото.

Ванесса перевела взгляд на фотографию.

— Да что ты так распереживался? Это... Это наш выпуск в университете четыре года назад! Это, м-м, кажется, Сильвия Сэйнтс, а это ее тогдашний парень, Колин... Колин Вудроу. — Самообладание вернулось к Ванессе моментально, чего нельзя было сказать обо мне. — А что? Что-то не так? — добавила она, заглядывая мне в лицо.

Я не мог поверить в то, что она говорила.

— Черт! Черт подери! Не может быть! Вы вместе учились?! Ее парень?! Точно! Она же говорила тогда мне про него. Но я его никогда не видел до этого... Точно... Его зовут Колин... У тебя есть его телефон, адрес, и-мэйл, мсн, что угодно?

Ванесса смотрела на меня как на ненормального.

— Боже, Дэйв, это же было три года назад! Все, что у меня есть, это адрес общежития, в котором мы жили! Я уверена, сейчас там уже живут другие! Да за это время столько всего могло измениться! Даже если бы у меня был его телефон, адрес, это бы совершенно не помогло! К тому же я почти с ним не общалась. Ни с ним, ни с Сильвией. Знаю только, что у нее с ним был довольно долгий роман, а потом Сильвия ушла к какому-то недалекому ухарю, в которого влюбилась без памяти...

— Неприятному ухарю?! — кровь застучала у меня в висках. — Черт... Сильвия... Может быть, она знает...

Я кинулся набирать ее номер.

«Сильвия! Возьми трубку! Умоляю, возьми трубку! Возьми же ее, черт подери!»

— Алло, — услышал, наконец, я знакомый голос.

— Есть! — прокричал я в трубку, но тут же спохватился: — Прости, Сильвия, это я.

— Привет, Дэйв! Я звонила тебе не так давно, но ты не взял трубку...

— Я тебя не разбудил?

— Вообще, да. Но это ничего. Ты же знаешь, я рада тебе всегда...

— Сильвия, прости, мне нужно у тебя кое-что узнать.

Ванесса как заколдованная стояла рядом и слушала разговор.

— Помнишь, ты как-то говорила мне про... про своего парня. Его звали Колин.

Колин Вудроу. Помнишь?

Сильвия слегка помедлила с ответом.

— Колин? Н-нет, что-то не припоминаю...

— Да как же не припоминаешь?! Вы учились с ним и с Ванессой Пэйдж, ну, твой факультет психологии! Как же ты не помнишь? Он такой среднего роста, черты лица у него такие тонкие... Ну? Вы с ним на фотографии рядом стоите еще, где ваш выпуск фотографировали!

— На фотографии? На какой фотографии?

— Сильвия! Да я ее в руках держу!

— Дэйв, как она могла попасть к тебе?

— Не важно! Скажи, ты помнишь его?

Сильвия снова на мгновение замолчала.

— Да, кажется, помню. Дэйв, это было уже так давно. Столько воды утекло с тех пор. Я имя-то его с трудом вспомнила. А в чем дело?

— У тебя есть его телефон, адрес, что угодно? Мне нужно срочно найти его!

— Дэйв, у меня ничего нет, — теплая приветливость в голосе Сильвии моментально растаяла.

— Ну как же ничего? Вы же встречались с ним!

— И что? Что было, то было. Я не храню воспоминания о прошлом. И не кричи на меня!

— Прости, Сильвия, прости. Я... просто так много всего за последнее время... У тебя точно ничего нет?

— Абсолютно.

Я был расстроен. Разгадка, казалось, была так близко, но снова ускользнула от меня.

Попрошавшись, я положил трубку.

Наконец Ванесса решила продолжить.

— Если это так важно для тебя, то, наверное, он тебе поможет, — она показала на пожилого мужчину, седовласого и с седой же, но аккуратно стриженной бородой в центре фотографии. — Это наш научный руководитель, доктор Арнольд Шульц. Он вел наши дипломные работы. В том числе и работу Колина Вудроу. Мистер Шульц всегда тесно общался со своими учениками, и мы не были исключением. Старался собирать нас вместе

и поддерживать связь и после окончания учебы. Поэтому, вполне вероятно, у него сохранились и контакты Вудроу.

Я взял Ванессу за плечи и посмотрел ей прямо в глаза. Она будто стушеввалась.

— Как мне его отыскать? — спросил я.

— Ну, если я правильно помню, доктор Шульц не читает больше лекции в нашем институте. Теперь он работает в Южном гуманитарном университете...

— Ты спасла меня, Ван!

Она слабо улыбнулась, высвободила плечи из моих рук и сделала пару шагов по комнате, будто раздумывая, где лучше расположиться и какую позу занять.

— У тебя есть их телефон? — спросил я, пытаясь быть вкрадчивым, но, подумав, что слишком уж много прошу, добавил: — Впрочем, не важно, найду и так...

Ванесса встала у окна, скрестив руки на груди. Лицо ее было серьезным.

— Только учти, Дэйв, — сказала она, прямо глядя на меня, — сейчас у них рождественские каникулы... Тебе придется подождать неделю-другую, пока преподаватели возвратятся на места...

«О, боже! Неужели я никогда не доберусь до истины!» — прокричал я про себя, а вслух поблагодарил Ванессу за кофе и за помощь. После чего стремительно направился к выходу. Мне вслед донеслось почти шепотом сказанное: «Не за что!». Ванесса не двигалась с места. Дверь за мной тяжело хлопнула.

Дженнифер буквально на пороге бросилась мне на шею. Я постарался обнять ее, как мог, держа в правой руке огромный букет для ее сестры, Мэган, в левой — наш с Дженнифер подарок: огромного плюшевого медведя.

— Мэган! — радостно закричала Джен. — Мэган! Скорее, иди сюда!

Мэган была старше Дженнифер на три года. Ростом она была чуть выше сестры. А выющиеся каштановые волосы до плеч, светлая кожа, серо-голубые, всегда спокойные глаза и правильные черты лица — все это вместе — придавало образу Мэган особую зрелость, я бы сказал, материнскую. И речь не о том, что Мэган казалась значительно старше своих лет, вовсе нет, — напротив, она всегда выглядела свежей и отдохнувшей, как бы тяжело ни складывались обстоятельства.

— С днем рождения, Мэган! — сказал я, протягивая цветы и подарок.

Она улыбнулась, обняла меня, поблагодарила и пригласила войти. Джен одной рукой тащила меня внутрь, другой — обнимала сестру.

Особняк семьи Уайбергов стоял на одной из самых дорогих улиц пригорода. Это был здоровый трехэтажный дом с огромным числом спален, ванных комнат, двумя кухнями, бассейном, огромным гаражом, бильярдной, библиотекой и домашним кинотеатром — настоящий дворец.

Снаружи дом был выкрашен в абсолютно белый цвет, как и подобает сказочным замкам со сказочными принцессами внутри, и смотрелся очень чисто и нарядно в любое время года и при любой погоде.

В столовой все уже было готово. Роскошные скатерти, массивные столы, стулья, портьеры, здесь же — рояль; дорогие фужеры и столовые приборы. Возле стола суетилась мать Дженнифер — миссис Барбара Уайберг; отец семейства, мистер Марк Уайберг, исполнявший роль короля, восседал в роскошном кресле перед телевизором. Рядом со старшим Уайбергом сидел Мэтью, брат Дженнифер.

Марк был солидным мужчиной, он носил усы, аккуратно зачесывал волосы назад и постоянно поправлял затемненные очки в дорогой оправе, сползавшие на переносицу.

В доме царил очень спокойная и радушная атмосфера. Я поздоровался со всеми.

— Дэйв, приветствую, — отозвался мистер Уайберг. — Как продвигается бизнес?

— Папа! — тут же возмущенно закричала Дженнифер, и миссис Уайберг ее поддержала: — Ну сколько можно о работе?

— Цыц! — осадил он женщин. — Мое дело, о чем беседовать с будущим зятем. Я надеюсь, во всяком случае, что он будет моим зятем.

Марк строго и в то же время лукаво посмотрел на меня. Молчать было нельзя. Я должен был показать, что стою его внимания и достоин войти в его семью.

— Дела идут хорошо, мистер Уайберг. Все отлично, обрабатываю заказы, готовлюсь к повышению. Все идет по плану.

— Хм, приятно слышать. Как начальство?

— Начальство начальствует. Я, как подчиненный, прислушиваюсь к полезным советам, исполняю поручения и не забываю думать своей головой.

Вообще-то, я всегда несколько напрягался, разговаривая с Марком Уайбергом, стараясь выглядеть достойно в его глазах и не уронить лица. Я помнил, что в дальнейшем мне нужна будет помощь этого человека.

— Слушай, Дэйв, а если тебя завтра начальство попросит броситься из окна, ты бросишься? — прищурившись, спросил он.

— Марк, дорогой, пожалуй, достаточно для мистера Адамса вопросов на сегодня, — вступилась Барбара.

— Нет, мне интересно все-таки. А, Дэйв?

Нужно было придумать правильный ответ на этот скользкий вопрос.

— Если это принесет пользу компании, в которой я работаю, и моим близким, то непременно! — отрапортовал я.

— Хм. Неплохой ответ. Пожалуй, разрешаю пообедать с нами.

— Не слушай его, Дэйв, — шепнула мне Дженнифер. — Садись, все будет хорошо.

В том, что сейчас Марк Уайберг был председателем правления Вест Грин Банка, как стало мне известно, заслуги самого мистера Уайберга практически не было. После того как Уайберг закончил институт, отец взял его сразу на должность заместителя управляющего, хотя ни опыта, ни навыков работы в то время у Марка, конечно, не было. Семейные связи делали свое дело, и спустя некоторое время его отец сменил управляющего, поставив на это место сына, а позже включил Марка и в состав правления. Банк благодаря Уайбергу-отцу стремительно рос, постоянно открывая новые отделения. Все, что требовалось от Марка, — не потерять приобретенное. Он с этим худо-бедно справлялся. До тех пор, пока Уайберг-отец не умер, завещав сыну должность председателя правления и состояние в несколько сотен миллионов. Вот на эти деньги и существовала, если «существовать» здесь уместное слово, семья Уайбергов. Наверное, мне повезло. Только вот, если бы Марк сам заработал эти деньги, во всяком случае, мне было бы чему у него поучиться. А так он был просто богатым и полезным человеком.

Наконец все сели за стол. Миссис Уайберг и ее дочери справились отлично — все было необычайно вкусно и сытно. Дженнифер и Мэган принялись вспоминать, как они проводили время в юности, куда ездили с родителями, какие истории с ними приключались. Их было забавно слушать. Периодически рассказы девушек разбавлял эпизодами из своей студенческой жизни Мэтью. С годами их общение в семье не становилось менее близким. Просто они чуть реже собирались вместе — сначала Мэган, потом Дженнифер, а теперь и их младший брат учились в университете. Мэтью как раз недавно вернулся на каникулы.

Радостный шум дочерей перебил Уайберг-старший:

— Дэйв, ты не ходил в церковь на этой неделе? — спросил меня он.

— Простите, сэр, никак не найдется свободного времени... — виновато ответил я.

— Дэйв, запомни, в нашу семью вступит только верующий и праведный человек. Ты должен стать таким.

— Конечно, сэр. Я непременно сделаю это...

Впрочем, я не совсем четко представлял, как сможет Марк понять, что я уже стал «верующим» и «праведным». Меня не крестили в детстве и, вообще говоря, я был скорее

атеистом, опирающимся на законы логики материального мира, мира, который в последнее время подкидывал мне все новые и новые сюрпризы...

Увлечшись воспоминаниями о событиях последних двух дней, я не заметил, как ушел в себя. Похоже, я начал что-то бормотать себе под нос. Дженнифер тронула меня за плечо.

— Дэйв, ты какой-то растерянный... Все нормально?

Я «вернулся».

— Уф-ф, — встряхнул я головой и попытался как можно бодрее ответить: — Да, все о'кей!

— Ты что-то говорил себе под нос. Кажется, о каком-то Арнольде Шульце... Кто это?

— А, Арнольд... Да так, один профессор...

— Арнольд Шульц?! — неожиданно громко переспросил Мэтью. Его глаза загорелись, словно бенгальские огни.

Я уставился на него.

— Ну да, Арнольд Шульц. А что?

— Ха! Он читает лекции на нашем курсе в Южном университете! Смешной такой дядька!

— Черт побери, ты учишься в Южном университете? — переспросил я. — И ты знаешь Шульца?! — я ликовал.

— Как же не знать! Он дважды меня заваливал! Я его где только не выцеплял, чтобы пересдать! Уже и телефон его узнал, и все кабинеты, в которых он бывает, расписание, все-все-все! Даже адрес домашний выяснял — где-то он у меня есть...

Я потянулся к Мэтью через весь стол, крепко взял его за плечо.

— Мэтью, дорогой! Очень нужно! Поищи, пожалуйста!

Дженнифер удивленно смотрела на меня.

Я сел на место, и, пытаясь взять себя в руки, продолжил:

— И еще, мне сказали, что сейчас в институте каникулы...

— Ну-у, Дэйв, ты можешь не переживать! Профессор Шульц больше двух дней без родных стен альма-матер выдержать не может. К нему наш народ сдавать зачеты едет в понедельник на следующей неделе. Он будет у себя, на третьем этаже в главном корпусе. 315-я комната, кажется. Слава богу, я все сдал.

Мэтью довольно улыбнулся.

— Мэтью, ты гений!

— Я бы записал тебе всё, вот только ручки поблизости нет. — Мэтью похлопал себя по пустым карманам. — Mam, пап, дайте ручку!

— Сейчас я принесу! — отозвалась Дженнифер. — У меня в сумке. Сумка только в спальне. Момент!

В одно мгновение Джен скрылась в темном коридоре. Еще через мгновение, вероятно, из ее комнаты раздался звон бьющегося стекла и испуганный крик Дженнифер. Я бросился на помощь.

— Джен! Что случилось?

Вбежав в спальню, я увидел разбитое окно и чей-то стремительно удаляющийся черный силуэт. Дженнифер плакала, стоя посреди комнаты.

— Джен, ты как?

Сквозь всхлипывания она пыталась ответить:

— Дэйв, я... я испугалась... Он же мог меня убить... И никого рядом... Он схватил мою сумку...

— Держись, Джен! Я буду через минуту!

С этими словами я бросился за грабителем. Он — и я за ним — выбежал на улицу, параллельную той, на которой стоял дом Уайбергов. Здесь располагались небольшие трехэтажные офисные, административные и жилые постройки. С улицы мы свернули в

проем между домами. Бежать мне приходилось уже второй раз за последние два дня. Однако сейчас делать это было приятнее. Тело успело вспомнить основные навыки быстрого перемещения по пересеченной местности, и уже спустя 10—15 секунд я нагнал незнакомца, бежавшего вдоль задней части домов. Здесь не было фонарей, но я четко видел его силуэт перед собой, подсвечивавшийся рассеянным светом, отражавшимся от падающего снега.

Он пытался двигаться как можно быстрее, я не окликал его, не пытался остановить словами. Кричать что-либо было бессмысленно. Я знал, что на этот раз смогу догнать его. Меня переполняли злой азарт и агрессия. Мы лихо перепрыгивали через торчавшие доски, ныряли в узкие проходы между кирпичными стенами и металлическим забором, шедшим левее от домов, вдоль направления нашего движения.

Наконец впереди показался тупик, освещаемый ярким светом окон первого этажа, — справа начиналась каменная стена трехэтажного дома, заканчивавшаяся П-образным проемом. Незнакомец добежал до конца стены и остановился. Дальше пути не было. Я встал метрах в десяти от него. Незнакомец огляделся, посмотрел наверх и повернулся. Мои ноги ослабли, неприятное чувство продолжалось несколько секунд. Это был он. Колин Вудроу.

Он хищно улыбнулся мне, выхватил откуда-то из-под ног деревянный ящик и бросил его перед собой — против законов гравитации, известных мне со школы, ящик начал быстро подниматься вверх. Вудроу вскочил на него и, балансируя, поднялся до уровня крыши, затем спрыгнул и тут же исчез во мраке.

Я, кажется, даже не успел удивиться. Нужно было искать способ подняться за ним. Борясь с нарастающим гулом в голове, я принялся оглядываться по сторонам. Справа от меня оказалась пожарная лестница, но она была слишком высоко от земли — при всем желании я вряд ли бы до нее допрыгнул.

Я заметил Вудроу наверху, в руках у него была какая-то внушительная конструкция; он бросил ее мне. Здоровенный кусок лестницы килограммов на двести с грохотом, но вполне удачно рухнул перед моим носом. Теперь я мог забраться на пожарный пролет и дальше — на крышу. Там, на другом краю, меня уже ждал Вудроу. Я бросился за ним. Он повернулся и снова прыгнул — на соседний дом, в 10—15 метрах от этого. Во второй раз.

Перепрыгнув, он остановился, подошел к краю и посмотрел на меня. Я попробовал выглянуть с крыши вниз, но так и не решился — я прекрасно понимал, что между домами нет ничего, что бы помогло мне преодолеть расстояние.

Меня охватила злость, я закричал во все горло:

— Что тебе надо?? — И после секундной паузы снова: — Что. Тебе. Надо?! — чеканя слова, орал я.

Вудроу заговорил. Это был тот самый голос, который я слышал во сне, на стоянке и у себя в машине...

— Рад снова видеть тебя, Дэйв! Верно, ты немного удивлен. Может быть, даже напуган. Это нормально. Это даже хорошо!

— Хорошо?? Ты будешь гнить в тюрьме! Вот это будет хорошо!

— Ну-ну, Дэйви! Остынь! Не горячись!

— Не смей называть меня Дэйви, выродок! Я не знаю, как ты все это делаешь, но, поверь, твоим фокусам придет конец! И тогда!..

— Тогда что? А?

Вудроу был титанически спокоен, а в голосе его сквозила насмешка знающего больше других.

— Дэйв, ты еще скажешь мне спасибо! Не сейчас, конечно. Но ты поймешь скоро, может быть, уже завтра, а может быть, через год. Но я уверен, что ты изменишься. Дэйв, оглянись на свою жизнь! Подумай хорошо, как ты живешь, о чем думаешь, во что веришь! Давай я помогу тебе.

Я хотел прервать его, сказать, что это только *мое* дело — строить *мою* собственную жизнь. Но что-то заставляло меня слушать Вудроу дальше. Как будто я действительно мог понять из его слов какую-то истину.

— Вспомни события последних двух дней! — продолжал Вудроу. — Работа в перспективной компании, хорошая должность, утром — на работу, вечером — с работы, Дженнифер, ее отец, на которого ты делаешь ставку, уик-энд, день рождения ее сестры, ее родственники, никаких мыслей о посторонних связях, потом снова твоя обожаемая «Маркетинг Индастриз».

Я действительно следовал за каждым его словом, просматривая ленту произошедшего со мной за это время.

— И все кажется таким замечательным, не правда ли? А почему оно таким кажется, Дэйв? — У меня был готов ответ, и Вудроу будто прочел его телепатически: — Ах, да! Твоя любимая «стабильность». Прогнозируемость. Предсказуемость. Ты не хочешь быть «внизу». Ты боишься там оказаться. Ведь порядочному человеку принято занимать высокую должность, иметь хороший доход и фешенебельный дом. Ради этого ты соглашаешься выполнять правила. Они кажутся тебе совсем не сложными. Ты должен работать — это нормально, это правильно. Но работать ты должен в перспективной компании, как подобает человеку, желающему добиться уважения. Учеба в престижном вузе, работа в престижной компании, выгодный брак, дети — желательно двое или трое, как заведено во всех порядочных семьях. Все это — правила.

Я не понимал, в чем Вудроу меня обвиняет. Его тон был именно обвиняющим. Вещи, о которых он говорил, — что в них дурного? И я слушал дальше. Я не хотел и не должен был — и всё-таки слушал. Красноречие Вудроу не иссякало.

— Ты чем-то обязан своему начальнику, Роберту Кертису, и не ударить перед ним лицом в грязь — твой долг. Сидеть допоздна, чтобы сделать всю работу, чтобы начальство оценило твое усердие и наградило перспективной должностью — правило. Пять лотков на рабочем столе и три маркера разных цветов. Цвет рубашки под каждый день недели. Абсурд! — но это тоже твои правила. Учтиво извиняться, если ты кого-то случайно задел, выходя из лифта. Не ерничать с патрульными. Не играть в лотерею. Не допускать мысли о ком-то, кроме Дженнифер. Но и не отказывать другой женщине, если она просит тебя подвезти ее домой. Быть учтивым с родственниками отца твоей возлюбленной. Все это — не что иное, как правила.

Я был шокирован, я не понимал, откуда Вудроу в таких подробностях известна моя жизнь. Может быть, именно мой шок не позволял мне ни ответить ему протестом, ни вообще уйти. Вудроу выступал сейчас чем-то вроде *deus ex machina*.

— По-хорошему, даже то, что ты бросился за мной в погоню, — лишь правило! Речь не о том, хорошие это правила или нет. Но ты настолько свято веришь в них, что готов работать там, где тебе неинтересно, только потому, что чувствуешь себя перед кем-то в долгу, или потому, что это «перспективно». Не для тебя лично, а вообще — так считается, так принято считать. Работа в «Маркетинг Индастриз» перспективна. Ты уверовал в то, что должен сделать кого-то счастливым, что должен стать лучше других и ни в коем случае не остаться внизу. Но ты трусишь изменить порядок, нарушить правила, ты боишься рискнуть настолько, что отверг предложение господина Китано. Нельзя оставлять близких людей; нельзя, ты не имеешь права заниматься тем, чем ты действительно хотел бы, если это нарушает раз и навсегда заведенный уклад, если это окажется не на пользу другим, если это изменит положительное мнение о тебе — и ты отказался от *твоего* шанса, от того, чего бы ты действительно хотел! Дэйв, ты же ненавидишь свою работу! Но ты вбил себе в голову, что ты должен это делать и что это подходящий для тебя вариант. Твое правило: нельзя думать ни о ком, кроме Дженнифер, — настолько сильно, что ты даже не смог открыть ту дверь, на углу Тридцать второй и Четвертой! Но ты пришел туда! Ты согласился проводить Ванессу и войти к ней в квартиру, а затем испугался. Чего? Ведь ты хотел того, что могло бы произойти, —

признай, Дэйв! Ты считаешь, что тебе нужен хороший дом. Ты думаешь, что тебе не обойтись без помощи короля-дракона Марка Уайберга — и ты вынужден дрожать перед ним. Хотя, я знаю, ты считаешь его ничтожеством, каковым он и является. Ведь сам он не сделал ничего! Ты должен быть учтивым перед теми, от кого тебя тошнит, и кому ты с радостью бы вмазал, как, например, нашему знакомому Питу, — и ты лицемеришь перед ними. Ну да, ты скажешь, это нужно, чтобы достичь результата... Тоже правило. Но такие правила исключают удачу в лотерею, поэтому, даже когда тебя останавливают на улице и открывают выигрышную комбинацию, ты убеждаешь себя в том, что это невозможно, хотя в глубине души ты мечтал бы выиграть, — и отказываешься! На кону было 233 миллиона, Дэйв! Но это сказка. Сказка не подчиняется правилам. Ты отмахнулся от нее. А выигрыш был почти у тебя в кармане. Невероятно! Такая же сказка и то, что машина способна ездить на чем-то, кроме бензина. И даже когда тебе демонстрируют эту невероятную возможность, ты считаешь это подлогом. Твое правило — не показывать своих эмоций. И ты все время как бы с одолжением отвечаешь Сильвии, что привело к... Впрочем, это не важно сейчас. Ты поступаешь так, как должен, а не как хочешь! Это твое главное правило. Но ты никому ничего не должен, Дэйв. Расслабь свой мозг. Делай так, как подсказывает тебе сердце. Прислушайся к себе, и ты поймешь, что нужно делать, а что — всего лишь правило, придуманное тобой. Дэйв, твоя жизнь запрограммирована тобой же самим. Тебе кажется, что с этим ничего нельзя поделать. Ты принял чужие законы, и убежден, что их нельзя нарушить. Ты не пытаешься взглянуть на вещи с другой стороны. Ты веришь в то, что яблоки никогда не будут падать вверх. Тебе действительно этот физический закон кажется незыблемым? Что человеку в одиночку не поднять машину, что он не может пролететь 15 метров, что нельзя заставить деревянные ящики парить над землей? А ведь я на твоих глазах проделал все это! Я смог это сделать, Дэйв! Я разрушил самые главные законы на земле. Физические законы! И мир не перевернулся. Ничего ужасного не произошло!!! И если ты сделаешь то же самое, то сможешь нарушить любые правила. Абсолютно любые! И в этом не будет катастрофы. Нарушь их, Дэйв! Стань тем, кто делает так, как он хочет, а не так, как гласят правила!

В этот момент, на крыше, мне казалось, что во всей вселенной не было никого, кроме меня и того, кого называли Колином Вудроу. Я стоял в оцепенении и не чувствовал ни ветра, ни холода; молчал, вслушиваясь в каждое слово, которое доносилось до меня с крыши противоположного дома. В *каждое* слово. И каждое слово словно что-то переворачивало внутри меня. Словно я всегда думал об этом, но только сейчас кто-то смог выразить мои мысли словами. Словно на ржавую монету накапали кислотой, и она стала искриться новым золотым отливом.

Как же глубоко я старался запрятать собственные желания, следуя выставленным кем-то правилам жизни человеческого существа! Старался следовать общим законам, пытаюсь придерживаться известных мне троп в лесах и бродов в реках человеческого бытия. Законы, правила... Как безнадежно я увяз в них...

Я посмотрел в лицо Колина Вудроу и встретил его взгляд. Я почувствовал этот взгляд, несмотря на расстояние, разделявшее нас.

— Сумочку Дженнифер я оставлю здесь. Можешь быть уверен — все цело. Меня ее вещи не интересуют.

Он наклонился и положил сумку на край крыши.

— Но чтобы забрать ее, ты должен преодолеть закон гравитации и перепрыгнуть сюда. Это просто. Запомни, Дэйв, все правила всего лишь в твоей голове. Их придумал ты сам. И ты сможешь их нарушить. Ты сможешь стать тем, кто делает так, как хочет. Сделай это. Я смог. И ты сможешь.

Колин Вудроу поднял воротник куртки и в мгновение ока исчез в темноте. Я ждал, что он появится какое-то время спустя, но его не было.

«Правила... В моей голове... Нарушить...» Мой мозг отчаянно пытался проанализировать все, что говорил Вудроу. Голова дико гудела. Я, слегка покачиваясь,

подошел к краю и посмотрел вниз. Боже! Я бы отдал многое за то, чтобы все это оказалось дурным сном. Но если это и был сон, то слишком долгий и крайне реалистичный.

Я отошел на пять-шесть метров для разбега — больше места не было — и глянул на соседний дом, где на краю едва блестела металлическими заклепками сумка Дженнифер.

«Правила, правила, правила... Ну что ж... Пришло время проверить это», — подумал я, разбежался и, что было силы, оттолкнулся от лежавшей перед краем крыши большой пластины, которая закрывала, кажется, какое-то внушительное отверстие — в этом же месте толкался и Колин.

Сердце у меня в груди на мгновение остановилось. Дальше все происходило очень медленно. Что-то как будто вытолкнуло меня — я набирал высоту. На середине пути я посмотрел вниз — собаки разрывали небольшую мусорную кучу. Я перевел взгляд вперед, к дому, которого должен был достичь, — здание освещалось очень слабо, крыша — на пару метров, не больше. Я постарался наметить себе место приземления, все еще не веря, что это возможно, но в считанные секунды рухнул в темноту крыши, в нескольких метрах за краем, и кубарем покатился по бетону. Пролежав без движения несколько минут, я наконец понял, что это мне все-таки удалось. Удалось нарушить один из самых главных законов на земле, физический закон.

Глава 6

Лежа в постели, я смотрел в белый с трещинами потолок. Едва заметная паутина в уголках. Потом оглядел комнату целиком. Календарь позапрошлого года на стене. Высоко. Никак не мог найти время, чтобы убрать его. Тишина. Только радио в соседней квартире. Стекланный столик рядом с кроватью, под рукой. Недопитая бутылка коньяка. Пустой стакан. Смятая красная рубашка на стуле. Там же — часы. Я не знал, сколько сейчас времени, но по ровному серому свету из пыльного окна можно было понять, что уже около девяти, не меньше.

Понедельник. Прошло больше суток с событий в доме Уайбергов. Я лежал и прокручивал их снова и снова.

Вспоминал слова Колина Вудроу. Как я решился сделать то, что хотел. Как, наверное, впервые в жизни поступил подобным образом. Как, спустившись с крыши и решив проверить, не было ли это все случайностью, поднял кусок лестницы, сброшенный Вудроу, и зашвырнул обратно. Конструкция как-то странно, будто удерживаемая огромным краном, медленно поднялась на высоту третьего этажа. Я плохо помнил детали. Мысли крутились только вокруг самых ярких событий, в которые разум отказывался верить, но факты твердили обратное. Вспомнилось, как бросилась ко мне Дженнифер, отделившись от группы подоспевших полицейских, когда я показался с ее сумкой в руках, как она кричала мне, что переживала за меня. Как давал показания. Как отлеживался после всего этого целый день дома.

Мне было нужно время. Чтобы понять, что произошло и что мне предстоит поменять. И теперь я ясно понимал, что действительно окружил себя правилами, которые придумал сам или принял от других. С этим было нужно что-то делать. Но что?

Зазвонил телефон. Мой отец напоминал про покрышки. Сейчас этот разговор не казался таким необходимым, как раньше. И мне вовсе не хотелось срывать и везти эту несчастную резину. Может быть, уважение к родителям — тоже правило?

Пожалуй, всему виной был еще не выветрившийся коньяк. Меня будто подменили. Бывает, что начинаешь вести себя как-то по-другому. Не так, как раньше; не так, как тебе свойственно. Словно ты — не ты. И со мной в тот момент произошло то же.

— Слушай, давай ты сам за ними приедешь, — нагло ответил я отцу.

Он на мгновение замолчал.

— Сын, я прошу тебя помочь мне. И мне казалось, для тебя это не составит большого труда...

— Это уже в прошлом, отец. У тебя своя жизнь. Ты оставил мать, уехал черт знает куда, теперь просишь меня помочь тебе? С чего это вдруг?

Тон отца стал серьезнее:

— Сын, я еще пока твой отец, и прошу тебя о маленьком одолжении. Я сделал для тебя немало. И причем тут твоя мать?

Про себя я улыбнулся — сейчас его упреки казались мне просто смешными. Я выпрямился и посмотрел в окно. За окном снова шел снег.

— Знаешь, отец, мне кажется, я долго терпел. «Принеси то», «подай это», «улыбайся мистеру Кертису», «отвези нас с ним на озеро». Давай, ты сам теперь разберешься с этим. Приезжай ко мне, бери ключи от гаража и отвози свои покрывки сам!

— Сын, что с тобой? Ты в порядке? Может быть, у тебя что-то случилось? — Голос отца стал тревожным.

— Какая тебе разница? В общем, приезжай, если они тебе нужны. Все, пока.

Я положил трубку.

Мной овладело странное ощущение, сродни детскому ликованию, когда в тире удается попасть в солдата: напряжение и волнение, сменяющиеся облегчением и радостью. Приятное ощущение, но, как бы то ни было, связанное со страхом: можно и не попасть. Или обрадуешься раньше времени, а цели не достигнешь.

Однако я не мог изменить всю свою жизнь в один миг. Работа, желанная или нет, требовала моего присутствия. Надолго ли? Ответ на этот вопрос был мне пока неизвестен.

Я выпил кофе и направился в ванную. Совершая привычные утренние действия, я размышлял: часто бывает, что суть сказанных кем-то слов доходит до нас какое-то время спустя. Наверное, потому, что мы слишком заняты рутинной, чтобы задумываться о небудничных вещах. В общем, даже о будничных вещах задумываться нам некогда.

Крем после бритья на полке под зеркалом — тюбик завернут высохшим червяком; зубная щетка с топорщащейся щетиной — давно пора купить новую; ванна с облезшей от моющих средств эмалью, капающий кран — сменить, починить их нет времени. Это не входит в ежедневный план по достижению успешности. Такие мелочи, пусть и раздражающие нас, мы оставляем на потом: вот когда у меня будет хороший дом (а не этот холостяцкий флэт) и должность...

Я думал о том, что сказал мне Колин Вудроу. В который раз. Странно все-таки. Получается, что я все это время плевал на себя, на свои желания, сдерживал свои порывы, убеждал себя в необходимости того, что мне абсолютно не было нужно, чего мне, по сути, никогда не хотелось. Я игнорировал очевидное. Может быть, это самозащита? Всего лишь страх? Но чего я боюсь? Отказать отцу, если он этого заслуживает? Опоздать на работу? Сыграть в лотерею? Уехать отсюда на несколько лет? Если все так просто, почему я до сих пор не мог совершить что-то только по своему желанию? Если можно кроить мир по своей мерке, почему мы не делаем этого? Почему нужно прогибаться под кого-то? Исполнять чужие приказы, указания, распоряжения? Ведь это так очевидно... Если всё во власти самого человека, что или кто может ему помешать? Как много вопросов...

Я не стал бриться, только умылся.

Против обыкновения вместо своего делового костюма, которому было далеко до итальянских доспехов Роберта, надел джинсы и свитер.

Я вышел из квартиры и закрыл дверь на ключ. По лестнице поднималась миссис Олбридж. Она носила очки в большой оправе и всегда одевалась во все черное, будто каждый день у нее кто-нибудь умирал или был близок к смерти. Я давно желал ей того же. Сегодня она, конечно, была в тех же больших очках и в традиционной черной одежде. И, как обычно, картинно улыбнулась.

— Дэйв, привет, дорогой! Как у тебя дела? Все ли в порядке? Выглядишь ты не очень.

На этот раз у меня не было желания здороваться с ней, а тем более интересоваться ее самочувствием.

— А вам какое дело?

Миссис Олбридж, опешив, перешла к сути разговора:

— Дэйв, не забудь в следующую среду заплатить аренду за очередной месяц.

Она была на редкость щепетильна в вопросах оплаты. И все время до этого я делал вид, что понимал ее, говорил: «Разумеется, миссис Олбридж! Спасибо, что напоминаете!» — и улыбался. Да, конечно, она ждала установленного срока, хотя всегда рассчитывала получить оплату раньше. Но я видел, как тяжело ей давалось это ожидание.

Я подошел к ней вплотную.

— Дорогая миссис Олбридж! Давайте с вами договоримся раз и навсегда. Во-первых, вы перестанете напоминать мне за полторы недели до срока, когда и сколько мне платить. А во-вторых, в мое отсутствие вы больше не станете заходить в мою квартиру, даже не переступите порог, так как эта квартира на время аренды — моя. А если вы все-таки нарушите этот уговор, то в следующий раз мне будет сложно себя сдерживать. И один только бог знает, что я могу сделать с вами и вашей квартирой. Я понятно выражаюсь?

Миссис Олбридж смотрела на меня, открыв рот.

— Да как вы смеете! Да я на вас в суд подам! Вы! Вы просто хам! Я сейчас вам...

Она неожиданно замахнулась, чтобы отвесить мне оплеуху. И совершенно зря. Я перехватил ее руку и инстинктивно с силой оттолкнул женщину от себя. Она кубарем покатила по деревянной лестнице. Оказавшись внизу, миссис Олбридж тут же попыталась подняться. Нет, такие, как она, от одного падения из жизни не уходят.

Моя выходка кажется дикой? А как бы вы поступили в подобной ситуации?

— Ах ты... Я до тебя доберусь... Я позову мужа! Я вызову полицию... Они на тебя живо управу найдут! — кричала миссис Олбридж сквозь болезненные стоны.

Я подошел к ней и, взяв за плечи, сказал:

— А если вы еще раз назовете меня «дорогой», спущу вас с лестницы вместе с вашим мужем. Понятно?

Она посмотрела на меня дикими глазами и что-то хотела сказать, но промолчала, скорчив от боли гримасу.

Я поправил пальто, выпрямил плечи и вышел на улицу.

Когда я входил в офис, мой мобильник зафиксировал восьмой непринятый вызов от Роберта Кертиса. Мне не хотелось отвечать. Мой ответ ничего бы не изменил. Я ехал на работу и не мог ускорить движение. Не хотел, точнее.

Секретарь недоуменно, со страхом в глазах и не говоря ни слова наблюдала за тем, как я, не сняв верхней одежды, направлялся в конференц-зал.

Я широко улыбнулся, отпил из ее чашки свежий кофе, поцеловал в лоб и вошел на отчет.

В зале собралось около двадцати человек. Если честно, я не совсем помнил, о чем именно предстояла беседа. Но это было уже не важно. Тишину, воцарившуюся на целую минуту, пока я искал свободный стул и протискивался к нему, на ходу снимая пальто, нарушил Кертис, замерший у флипчарта. Кажется, он не очень был рад моему появлению. «Так странно, — подумал я: — Не появляешься — плохо, приходишь — опять нехорошо». Саймон покачал головой, уткнувшись в свой ежедневник.

— А вот пример того, как делать не нужно! — громогласно заявил мистер Кертис, обращаясь к аудитории. — Потому что поводов для расслабления ни у кого из здесь присутствующих нет! И еще никому в этой комнате не было позволено вот так, опоздав на час и не отвечая на звонки руководителя, заявляться на отчет без извинений, черт подери!

Я повернулся к сидевшим рядом коллегам.

— Простите, у вас лишней ручки нет? Я свою на рабочем месте оставил. Что, ни у кого не найдется? Эх, жаль.

— И даже когда я это говорю, вместо того чтобы поджать свой зад и слушать меня, некоторые умудряются разговаривать! — уже кричал мистер Кертис.

Я все еще отходил от вчерашнего алкоголя и событий минувших дней, поэтому не придавал особого значения источнику звуковых колебаний в этой комнате.

— Простите, мистер Кертис, у вас не будет лишней ручки? — спросил я.

Роберт побагровел. Все вжали головы в плечи. Попадать под горячую руку не хотелось никому.

— Дэйв! Заткни свой рот и слушай меня! И не вздумай меня перебивать!! Если ты еще раз заговоришь, когда тебя не спрашивают...

— Мистер Кертис! — прервал я его. — Давайте лучше продолжим. Что там дальше?

Роберт повернул в мою сторону свой зенитно-ракетный комплекс и принялся расстреливать меня в упор:

— А дальше будет то, что ты сейчас встанешь, Дэйв, и пойдешь заниматься своими делами! А за твое замечательное поведение я спишу с тебя ползарплаты и поставлю под сомнение всю твою дальнейшую карьеру в этой компании! И так будет с каждым, кто посмеет...

— Мистер Кертис! — снова перебил я. — А вам не кажется, что нужно быть немного человечнее, что ли? Орете в понедельник с утра! Чего вы добиваетесь от своих подчиненных?

— Нет, Дэйв! Не кажется! Ты жалкий философ! И тебе в таком случае нужно лежать дома на диване, а не работать! У нас не институт благородных девиц! Мы занимаемся делом и хотим в этом преуспеть! Повысить свой статус, научиться решать задачи, вести проекты — вот то, что нас волнует. Расти профессионально и лично и зарабатывать деньги в перспективной компании — то, чего мы хотим!

— Неужели вы думаете, мистер Кертис, что все здесь присутствующие разделяют ваше мнение? А? Давайте спросим!

Я окинул взглядом бледные лица присутствующих и понял, что мое предложение было не лучшей идеей.

— Да они же вас боятся! Вы посмотрите на них! Верите в свою работу, как в бога, и пытаетесь обратить в свою веру других! Так я вам скажу, что мы, в общем-то, давно в свободной стране живем!

— Слушай ты, салага! — Роберт шел на крайности. — Сейчас же убирайся из этого кабинета или я тебя уволю.

— Ну, мистер Кертис, зря вы перешли на личности. Давайте тогда это сделаю и я. А остальные пусть послушают. Мне кажется, им будет интересно. Вы всю жизнь тянули меня в свой мир, при этом не потрудились понять меня. Вам казалось, что всем, чем вы дорожите, должен дорожить и я. Стабильность, надежность, перспективная компания, перспективная должность. Ничего не забыл? И вам кажется, что все вокруг должны рассуждать так же. Слезьте с вашей башни, Роберт! Посмотрите на мир глазами окружающих! Мир многообразен! Я искал в вас поддержку, хотел поделиться своими сомнениями, мыслями, а в итоге получал от вас сухой набор аргументов. Вы были тем человеком, чье мнение я уважал, и каждый раз, когда хотел вашего совета, звонил вам, а вы отвечали как по учебнику. Твердая почва под ногами, разумные проекты, стабильность. При этом вам то, чем вы занимаетесь, действительно интересно, но вы все поворачиваете так, будто дело только в том, чтобы стабильно идти по жизни, повышаясь в должности, зарплате и прочем. На работе о своем не разговаривать, отчет по понедельникам в девять, на работу в девять, с работы тоже не раньше девяти. Боже, Роберт, это тюрьма, а не работа!

Мне говорилось легко и свободно, хотя на самом деле было обидно. Обидно за себя и одновременно жаль самого Роберта. Жаль, что он не видел ничего, кроме своей пресловутой стабильности, переходившей в банальную приземленность. Жаль, что у него не было человека, который бы смог его поддержать. Хотя, может быть, он был ему и не нужен.

Но Кертис не мог успокоиться.

— Ты уволен, Дэйв! — кричал он. — И не проси своего отца, чтобы он умолял меня вернуть тебя в нашу компанию!

Я засмеялся ему в лицо.

— Моего отца? Просить? Умолять вас? О нет, увольте! Вы вместе с ним загнали меня в правила своей жизни! Своей! Но не моей! Вы решили всё за меня и не дали мне права выбирать.

Присутствующие не знали, как реагировать на наш диалог. Кто-то хотел, чтобы все это поскорее закончилось, испытывая неловкость. Кому-то хотелось продолжения, чтобы вечером было о чем рассказать друзьям. Кто-то, не откладывая, принялся обсуждать позиции сторон. А мне было уже, наверное, все равно. Теперь я мог нарушать любые правила. Хотя, все-таки неоднократно спрашивал себя, правильно ли поступаю и чем все закончится. Но для этих вопросов было слишком поздно.

В дверь постучали, и в зал, ступая на носочках, вошла Ванесса, держа папки с документами. Но, увидев свирепое выражение лица Роберта, тихонько пискнув, ретировалась.

— Вон отсюда! — орал мне Кертис. — Я заблокирую твой корпоративный телефон! Я заблокирую твою кредитную карту! Ты не знаешь, во что ввязался, Дэйв! У тебя не получится сломать правила!

С облегчением я вышел из зала вслед за мисс Пэйдж. Все, кто были в этот момент в офисе, следили за мной пристальными взглядами. С сочувствием, ужасом, удивлением и интересом одновременно. «До чего же все-таки все банально!» — подумал я, глядя на них.

— Что уставились? — шикнул я. — А ну живо работать! — И затем обратился к Ванессе: — Ванесса, подожди, прошу!

Навстречу мне выскочил Гейл.

— Старик, что ты там устроил? С чего все это? У тебя все в порядке?

— О да, Гейл. Теперь у меня точно все в порядке!

Оттолкнув его, я двинулся вслед за Ванессой. Она остановилась, крепче прижав к груди папки с документами.

— Дэйв, что с Робертом? Это из-за тебя? Скажи?

Она смотрела на меня растерянным взглядом. Ее рот был чуть приоткрыт, нижняя губа блестела восхитительным оттенком помады — на лицо Ванессы выгодно падал свет флуоресцентных ламп.

Я прижался к ней всем телом, одной рукой обняв за талию и скользнув ниже, другую положив на прекрасные длинные волосы Ванессы. Ее запах волновал — тонкий, женственный, сладкий, манящий. Здесь, на виду у всех, я делал то, что упустил пару дней назад, — целовал Ванессу. Она сначала чуть вскрикнула, но спустя мгновение перестала сопротивляться и подалась мне навстречу. Сердце в ее груди учащенно билось.

— Передавай привет своему избраннику, дорогая! — прошептал я ей на ухо и отстранился.

Застегнув пальто, я попросил расступиться словно окаменевших сослуживцев и скрылся в лифте.

Глава 7

Город встретил меня морозной прохладой и солнечным светом сквозь наметавшийся с крыш снег. Гигантской гусеницей ползшие по улице машины пытались обогнать пешеходов. Час пик водителям явно не был на руку.

Я глубоко вдохнул. У человека есть одна интересная особенность: о том, что было сделано точно по его желанию, он не думает, но сильно переживает то, что совершил, сомневаясь в правильности поступка. Я думал о том, что со мной произошло буквально несколько минут назад. С одной стороны, я хвалил себя за то, что сказал и как поступил. Для меня это был безусловный прогресс. Но с другой — пытался заново выстроить только что разрушенный мост.

Мне нужно было убедиться, что я действительно могу все: летать, плавить металл, подставляться под пули, падать с крыш — без каких-либо последствий. Черт подери, мне нужно было сделать хоть что-нибудь! Но заставить себя взлететь силой мысли у меня не выходило. И я никак не мог понять, как найти выход из этой ситуации. Мне нужен был Колин Вудроу.

И еще кое-что не давало мне покоя. За всеми событиями последних дней я совсем упустил из виду один важный вопрос: собственно, почему мистер Вудроу выбрал именно меня? И что за странная связь между ним и Сильвией? Все, что я мог сейчас делать, — просто ждать встречи с ним, немного, впрочем, жалея о том, что не набрался смелости спросить у него это там, на крыше.

Моя машина стояла выше по улице, за магазином детских игрушек, на углу Тринадцатой авеню. Эта стоянка была единственной свободной, когда я парковался. Я шел, рассматривая окружавшие меня строения. Позволить себе отвлечься, предавшись почти бессмысленному занятию, было хорошим лекарством от терзаний — они потихоньку начали в меня проникать.

Здание Сити Скай Билдинг стояло в окружении таких же высоких и стройных офисных строений. Район активно развивался в последнее время. Малоэтажные дома сорокалетней давности уступали место рослым и величественным собратам. Стройки разворачивались повсюду.

Кто-то окликнул меня сзади, похлопав по плечу.

— Эй, приятель, смотри не запнись!

Молодой человек примерно моего роста, в таком же сером пальто и коричневой кофте с высоким воротом, как у меня, указывал мне на ноги.

— Простите, сэр? — не понял я.

— Да у вас кроссовок развязался! — улыбнулся он.

Такие же светлые волосы, как у меня, такие же скулы. «Надо же, до чего похож. Чего только не бывает на свете!» — подумал я и посмотрел на развязавшийся шнурок.

— А, — улыбнулся я в ответ. — Спасибо!

— Да не за что! — ответил незнакомец и зашагал дальше.

Отойдя в сторону, поближе к стене здания, чтобы не мешать прохожим, я присел, чтобы привести в порядок обувь.

В нескольких метрах впереди меня, из-за угла выскочила наперерез моему незнакомцу-двойнику маленькая девочка лет, наверное, шести, и принялась что-то рассказывать, тыкая пальчиком в сторону стройки. По обрывкам фраз, долетавшим до меня сквозь уличный шум, я понял, что речь идет о какой-то кошке. Наверное, животное забралось в строящийся дом, и девочка просила о помощи. Мужчина стоял какое-то время в нерешительности, оглядываясь на стройку, что-то выспрашивая у девочки, пока, наконец, не двинулся, увлекаемый ею, по направлению к стройке. Вход туда располагался метрах в тридцати от дороги вглубь квартала.

Я с интересом следил за этой сценой, пока завязывал шнурок, но потом выпрямился и продолжил движение по улице к стоянке. Зайдя за угол, я опешил, увидев парковавшийся рядом с моей машиной желтый с черными полосами «шевроле-корвет». Я

тут же отступил на пару шагов назад, чтобы не выдать своего присутствия. Из «корвета» вышел человек в синей куртке и направился, обходя здание с другой от меня стороны, к стройке, куда минуту назад ушли мужчина с девочкой.

Никаких сомнений — это был Колин Вудроу. Мое сердце забилося сильнее. Прячась за автомобилями, телефонными будками и прохожими, я шел за мистером Вудроу, стараясь не отставать.

Мы свернули в темный, крытый деревянными щитами проход, ведущий на стройплощадку в основании здания. Строителям удалось возвести уже этажей двадцать. Пока это были всего лишь балки и бетонные перекрытия. Здание проектировалось таким образом, что в центральной его части было нечто вроде полости вглубь фасада, так что образовывался своего рода колодец из выемок овальной формы в перекрытиях дома. Первый этаж был скрыт от солнечных лучей многочисленными строительными конструкциями, щитами, техникой и еще бог весть чем. В результате все, что мог видеть человек, глядя сверху вниз, скажем, с края этого «колодца», — темное неосвещаемое пятно вместо первого этажа. Однако внизу, в темноте, явно что-то происходило. Там работали какие-то люди, которых я поначалу принял за строителей.

Вудроу подошел почти вплотную к пройме, остановился, достал рацию. Говорил он настолько тихо, что я не мог разобрать ни слова. Но судя по всему, он переговаривался с теми, кого я принял за строителей.

У меня была не лучшая, но все же неплохая позиция для наблюдения. Оставшись чуть сзади, я видел, как рабочие волокли что-то большое, но легкое и объемное в основание колодца и как на уровне примерно шестого этажа появились тот самый мужчина и девочка.

Строители работали молча и довольно тихо, словно стараясь не выдать своего присутствия.

Там, где показалась девочка, проем в перекрытии был застлан длинными досками, очевидно, для того, чтобы ускорять движение тех, кто здесь работал, сокращая время на неудобный обход дыры.

Рабочие перестали двигаться. Воцарилась тишина.

Я был абсолютно уверен, что мужчине сверху не видно ни строителей, ни того, что они положили в основание этого колодца.

До меня донеслось мяуканье. На пересечении досок сидела кошка — видимо, та самая, о которой говорила девочка. Девочка еще раз показала на животное. Мужчина обернулся и, не найдя никого, принялся аккуратно двигаться в центр деревянной конструкции. Доски под его тяжестью закрипели. Я затаил дыхание. Падение с такой высоты обернулось бы неминуемой гибелью. Я почувствовал, как мои ладони стали горячими и влажными. Мужчине наконец удалось взять кошку в руки, и, что было разумно, он отбросил ее сразу на бетонное перекрытие, подальше от опасной проймы. Кошку тут же подхватила девочка и скрылась, даже не поблагодарив своего спасителя. В этот момент доски под ним с треском разлетелись в разные стороны, словно подпиленные, и мужчина полетел с криком вниз. Я застонал от страха. Сердце, казалось, остановилось.

Мужчина мешком рухнул вниз на объемную, судя по всему, воздушную конструкцию, которую так старательно расстилали рабочие. К нему бросилось несколько человек. Теперь они позволили себе говорить громко, так, что я мог слышать их голоса.

— Быстро убираем маты...

— Как мы и думали, пока он без сознания... Он в шоке...

— Кладем его не бетон... скорее! Убирайте маты! Он ничего не должен заподозрить...

— Быстрее, быстрее! Колин! Мы уходим!

— Стойте! Черт возьми, это не он!

— Как же не он?! Не может быть!

— Черт, мы взяли не того парня! Это девчонка! Она обозналась!

— Бог мой! Что будем делать?

— Я позвоню профессору. Нужно предупредить. Я не уверен, что этот бедолага все воспримет адекватно...

— Вы думаете, он может подумать, что...

— Он может подумать все, что угодно! Черт! Мало ли кем он себя возомнит после этого!

— Сэр, он приходит в себя!

— Алло, профессор Шульц? Да, это Колин. К сожалению, мы провернули это не с тем парнем... Что?.. Да, жив. Приходит в себя... Да, уже все убрали... Хорошо, уезжаем... Где кто? Мистер Адамс?.. Понятия не имею. Мы упустили его. Не знаю, будем встречать дома... Переходим к следующему событию... Да, там почти все готово... Нет, сэр, на этот раз не промахнемся. Теперь он точно поверит, что может все... Да, как вы и говорили. Уже начал делать так, как хочет. Наблюдал сегодня за ним на собрании с утра. Пока в норме, но, возможно, он начал слишком активно, и я опасаясь, как бы он не наломал дров... Что? А, да. Думаю, поправимо. Ваша теория работает... Я надеюсь, теперь он обратится к своим отношениям с ней, ведь теперь его ничего не должно держать... Да, хорошо... До связи!

Я смотрел туда, где стоял не моргая Вудроу. То, что я видел и слышал сейчас, было безумно, странно, непостижимо. Опасаясь понять истинный смысл событий, я отказывался верить догадкам, пронесившимся в моей голове. Сердце выпрыгивало из груди.

Вудроу повернулся и посмотрел в мою сторону. Света там, где я прятался, было явно недостаточно, чтобы меня можно было разглядеть. Я смотрел на Колина Вудроу, не в силах пошевелиться. Какой-то древний, первобытный страх сковал мое тело. Вудроу несколько секунд пристально смотрел на меня, потом повернулся и еще раз дал команду отбой:

— Сворачиваем все, парни. Оставьте его. Едем.

Подождав, пока он пройдет мимо меня и скроется в конце тоннеля, я бросился бежать отсюда. Срезав путь, я вскочил в свою машину раньше, чем Вудроу успел выйти на Тринадцатую авеню, и вжал в пол педаль газа. Разбрызгивая растопленный солнцем снег, мой «форд» резво рванул с места. Прохожие бросились врассыпную, загудели клаксоны недовольных водителей — маневрировать в пробках в час пик было небезобидным занятием.

Чтобы хоть как-то двигаться, мне пришлось выехать на встречную полосу — в сторону центра было гораздо свободнее.

«О да! — думал я. — Вот теперь я могу сделать это! Теперь я буду делать так, как захочу!» Я полез в карман за телефоном. Мне нужно было попросить Гейла присмотреть за моей квартирой, пока я не вернусь. Женский голос в трубке сообщил мне, что вызов заблокирован и мне следует обратиться к поставщику услуг. «Быстро же они работают», — отметил я, вспомнив угрозы мистера Кертиса. «Они начинают сопротивляться. Ну что ж. Посмотрим еще, кто кого». Сзади взвыли сирены патрульной машины. «Черт подери, как вы некстати!»

Я резко ушел влево на небольшую улицу, идущую вдоль продовольственных складов. Здесь было настолько узко, что мне приходилось сбивать мусорные баки, расставленные по ее обочинам, чтобы не въехать в стены домов. Патруль следовал за мной, чуть отстав.

Я знал этот район как свои пять пальцев, поэтому легко находил нужные повороты, не сбавляя скорости. Моей главной задачей сейчас было оторваться от преследования. Попасть в руки полиции означало проиграть все. Тяжелая, большая машина патрульных неохотно вписывалась в нужные повороты. Я совершенно не реагировал на призывы остановиться. Патруль отставал все больше и больше.

Квартал заканчивался въездом в тоннель и выездом на Южное шоссе. Как раз то, что мне было нужно. Я ловко нырнул в очередной поворот, так что полицейские не успели

это заметить. Проезжая по неосвещаемому тоннелю, я слышал, как они проехали дальше. Я увернулся от них. Эта задача выполнена на отлично. Но следовало надеяться на то, что они не запомнили мой номер или не успели оповестить патрули на шоссе.

Я держал курс на Южный университет. Лишь два человека могли пролить свет на то, что со мной происходило. Спрашивать о чем-то Колина Вудроу у меня не было желания. Точнее, смелости. Не знаю почему, но я боялся его. Как бояться дети старого одноглазого ночного сторожа в детском саду. Мне нужен был профессор Шульц. Вряд ли он знал, что я мог найти его, и поэтому казался слабее. А мне крайне была нужна информация. Я хотел и одновременно боялся услышать правду, о которой догадывался и которую всячески отвергал.

До Южного университета было около ста миль. Так что я рассчитывал оказаться в гостях у славного психолога еще до наступления темноты. Стрелка уровня топлива показывала, что мне стоит заправиться.

Одна из придорожных заправок пустовала. В салоне сидел, опустив белую шляпу на глаза, мужчина, чем-то напомнивший мне Пита из автосервиса. При воспоминании о Пите меня передернуло. В ответ на мое приветствие человек, словно сделав мне одолжение, поднял шляпу. В углах его ухмылки (иначе движение его губ назвать было нельзя) прочитывалось небрежное «Привет».

Я протянул кредитку и попросил заправить десять галлонов. Я старался быть вежливым. По привычке, наверное. Мужчина ответил, что карта заблокирована, и передал мне ее обратно. «Боже, и тут уже успели... И все из-за какой-то мелочи!» Но меня вывел из себя не отказ и не то, что карта была заблокирована. А то, каким было каждое движение этого человека, каким сарказмом и надменностью был пронизан каждый его жест. Никогда не любил подобного поведения.

Я не выдержал. Опершись на стол и глядя прямо ему в глаза, процедил сквозь зубы:

— Слушай, ты, белоголовый. На твою вонючую заправку заезжает два человека в год, так потрудись хотя бы улыбнуться по-человечески. Или ты от одиночества забыл, что такое вежливость?

Глаза мужчины округлились. Он попытался привстать из-за стола, за которым сидел. Я тут же осадил его:

— Не трудись, умница моя. Ножки еще стопчешь.

Я бросил на стол пару купюр и направился к выходу.

— Да тебе лечиться надо! Параноик несчастный! Я поступаю так, как хочу! Понял! И плевать я на тебя хотел!

«Слишком много агрессии стало вокруг, — подумал я. — Слишком много свободы». Я хлопнул дверью.

Южный университет был одним из старейших учебных заведений штата. Его история насчитывала не один десяток лет. Здесь учились и, что важнее, преподавали многие выдающиеся люди современности: научные деятели в области философии, психологии, культурологии, социологии, видные политики, писатели и искусствоведы. В ЮУ отлично преподавали многие дисциплины, но профильными считались гуманитарные. Попасть в стены Южного университета мечтал почти каждый выпускник колледжа. Здесь учились дети сенаторов, мэров, банкиров и владельцев крупных капиталов. Собственно, и дети мистера Уайберга — все трое — учились здесь. Я бы тоже с радостью согласился получить образование в ЮУ, но, увы, мои родители не были столь богаты.

На территории университета был разбит огромный парк, обнесенный высоким забором с коваными металлическими решетками между каменными колоннами.

В это время было не таклюдно. Рождественские каникулы разогнали по домам основную часть студентов и преподавателей. Остались только избранные. Профессор Шульц, по словам Мэтью, был как раз из таких.

Я подъехал к воротам и заглушил мотор. Было уже довольно темно — дорога отняла больше времени, чем я предполагал.

Главный корпус, судя по карте университета на входной группе, стоял метрах в двухстах по аллее вглубь парка от того места, где я остановился. На рождество сокращали и штат охраны, поэтому пройти к нужному корпусу не составило труда.

За высокими массивными дверями открывался просторный с высоким сводом холл, освещаемый бесчисленным множеством маленьких лампочек в виде свечей, что создавало уникальную для институтов атмосферу некоего таинственного храма. Знакомый, чуть сыроватый и прохладный запах книг обращал мою память к тем временам, когда меня волновали только конспекты, лабораторные и девушки из соседнего общежития.

Широкая лестница вела вверх и на каждом этаже расходилась коридорами с аудиториями и кабинетами-лабораториями. Я довольно быстро отыскал проход на третий этаж и уже спустя несколько минут стоял перед кабинетом 315 с табличкой «Доктор Арнольд Шульц».

Я огляделся по сторонам. Рядом — никого. Вообще в университете было очень пусто. Только изредка эхом доносились чьи-то голоса. Аккуратно толкнув дверь, я вошел.

Здесь было довольно просторно, только стеллажи, сплошь уставленные книгами, тянулись от пола до самого потолка. Между полками — не больше полуметра. В кабинете было темно. Верхний свет не горел. Мне не сразу удалось за книгами разглядеть справа в глубине комнаты письменный стол с зажженной на нем настольной лампой. А в ее тусклом свете увидев широкую, коренастую фигуру человека за столом, я невольно вздрогнул. Человек что-то писал, уткнувшись в тетрадь, и точно не слышал, как я вошел. Это было мне на руку. Его затылок блестела отраженным светом сквозь остатки седых волос. За ушами торчали дужки очков. Я подошел чуть ближе. Глаза привыкли к темноте, и теперь я мог различить детали. Перед профессором на столе лежали книги по психологии. На полке стояли его собственные — их названия прочитать я не мог, хотя имя автора сразу бросалось в глаза.

Слева от профессора горел экран монитора в «спящем режиме». Где-то в комнате громко тикали настенные часы. Было слышно, как шелестит по бумаге ручка — доктор Шульц что-то записывал. Кажется, он заполнял студенческую ведомость. На соседнем столе в половину громкости работало радио.

Я щелкнул затвором замка, заперев дверь изнутри, потом отошел за стеллажи так, чтобы видеть профессора, и заговорил:

— Арнольд Шульц, не так ли?

Профессор чуть заметно подпрыгнул от удивления на месте и принялся вращать головой.

— Кто здесь? Включите, пожалуйста, свет!

— Это ни к чему пока. Вы не ответили на мой вопрос.

Доктор говорил, ориентируясь на звук моего голоса.

— Да, это я. Чем могу помочь? Вы на пересдачу? Она уже окончена. Прошу приходить завтра. Завтра последний день!

— Нет, профессор. У меня к вам другой разговор. Скажите, знаете ли вы мистера Вудроу?

Было видно, как на лбу мистера Шульца выступили капельки пота.

— Э-э, сэр... Если вы по поводу пересдачи, то прошу...

— Доктор, я еще раз повторю вопрос. Вы знаете мистера Вудроу? Вы вели курс философии у него в университете несколько лет назад.

Застигнутый врасплох, доктор отвечал, запинаясь:

— Ну-у, вы знаете, всех и не упомнишь. — Его голос едва заметно дрожал. — Простите, вы бы не могли выйти из-за стеллажей — я вас плохо вижу...

— А я вам напомню, доктор, — гнул я свое, проигнорировав просьбу Шульца. — Вы разговаривали с ним сегодня. Днем. По телефону. Насчет случая на стройке.

— П-простите, я не п-понимаю, о чем вы, — пытался уклониться от ответа профессор.

— А мне кажется, понимаете. Вы обсуждали Дэйва Адамса. И я хочу знать, в связи с чем.

— С-сэр, в-вам известно, что уже поздно и что это неподходящее в-время для бесед...

— Мистер Шульц, я прошу дать ответ.

— С-сэр, я м-могу в-вызвать охрану, если в-вы не перестанете... Я в-вас не в-вижу даже. Кто в-вы? Мы с в-вами не в-встречались раньше?

Я вышел из-за стеллажей.

— Полагаю, нет, профессор. Но вы много обо мне говорили с Колином Вудроу. Меня зовут Дэйв. Дэйв Адамс. Я тот, о ком вы говорили.

Арнольд Шульц вжался в кресло.

— Боже... Дэйв?.. Как вы меня нашли? Это невозможно?.. Не-е-ет... Как вы узнали? Отчего-то недавнее заикание доктора Шульца вдруг прекратилось.

— Это уже не имеет значения. Что это? — Я заметил на столе тонкую тетрадь со схемами каких-то механизмов — блоки, лебедки, металлические конструкции — и с комментариями под ними.

Доктор Шульц поспешно захлопнул тетрадь, ловко сунув ее в верхний ящик стола.

— Это... это тоже не имеет значения...

Я скомкал ведомость, резким движением отбросив ее на пол. Доктор тихонько взвизгнул.

— Вы играете с огнем, профессор!

В дверь постучали. Потом нерешительно потянули за ручку. Дверь не поддавалась.

— Профессор Шульц? — спросил женский голос. — Вы здесь? Мне сказали, что вы здесь! Вы идете к нам на чай? Мы вас ждем! Профессор Стивенс и Маргарет уже там!

Женщина еще раз подергала ручку двери, но, не получив ответа, ушла.

— Что вы намерены делать, Дэйв? — глядя на меня испуганными глазами из-под очков, спросил профессор.

— Узнать правду. Я жду.

— Мне... нечего...

— Говорите!! — заорал я на него. — Что вы знаете??

Профессор еще глубже вжался в кресло.

— Я старый человек, жальтесь, сэр! Не нужно... так... Я скажу. Хорошо. Я в-все скажу!

— Я вас слушаю, — холодно ответил я.

Доктор немного отдышался.

— Понимаете... Работая много лет в области психологии, я... Мне удалось разработать одну теорию. В общем-то, стандартные вещи, но, так сказать, в новом свете. И до меня это было известно, но... я собрал кое-какие идеи в одно целое, изучил факты... Собственно, я не был уверен до конца в верности этой теории... Мне потребовалась помощь тех, кто всегда с удовольствием идет на эксперименты. Конечно, это были студенты. Я же все еще преподаю... А студенты... У них мышление не зажато. С ними интересно. Да и у них есть, конечно, чему учиться. Но это так, к слову. Так вот. Я решил ввести изложение своей теории в один из своих курсов. Собственно, никого из ректората я в известность не ставил — и вас умоляю, Дэйв! Никому ни слова! Меня могут... В общем, давайте лучше не будем об этом...

— И вы изложили теорию группе, в которой учились Вудроу и Сэйтс?

— Да. Им тоже. В общем-то, особого ажиотажа это не создало. По крайней мере, тогда. Раньше я думал, что это станет революцией в науке... Но постепенно мой интерес стал угасать...

— И тут появился Колин Вудроу, верно?

— Вы, похоже, знаете довольно много... Да, появился Колин. И...

— И что же это за теория, профессор?

— М-м, в общем, это долго объяснять, но если начать с конца... Люди окружают себя правилами... И если кто-то хочет от них избавиться — от правил, я имею в виду, — то нужно показать такому человеку, что он может нарушить самые жесткие из них. Например, физические законы. И тогда не будет проблем со всем остальным. Вот, в общем-то, и всё...

— Всё? — закричал я. — Нет, это не всё! Как *он* делал это? Как *я* делал это?

Доктор побледнел.

— Это уже не имеет значения, Дэйв. Вы сделали то, во что верите. Все остальное ничтожно в сравнении с этим...

Я схватил рукой стеллаж и резко рванул на себя. Он покачнулся. На пол упали какие-то журналы и листы бумаги.

— Тогда я разрушу все здесь!

— Нет, Дэйв, умоляю! Это была идея Колина! Он всегда был моим лучшим учеником! И преуспевал не только в психологии, но и в естественных и точных науках! Я всего лишь автор теории... Воплощал ее он! Он... придумал все эти механизмы... Я бы ни за что не смог реализовать это!

Профессор заплакал.

В дверь снова постучали. На этот раз настойчивее.

— Арнольд? Что у тебя там происходит? — спросил женский голос. — Арнольд? Открой сейчас же дверь! У тебя там все нормально? Арни! Я схожу за помощью!

Женский голос снова стих.

Доктор всхлипывал, сидя на стуле.

— Что за механизмы? — не унимался я. — Отвечайте мне!

— Все... все эти тросы, пружины, подъемные конструкции, краны... бог весть что еще. Нужно же было как-то ему поднимать машины, перепрыгивать с одного здания на другое...

— Что?? — Я застыл с гримасой ужаса на лице. — Вы хотите сказать, что все это... Все это подстроено??

— Дэйв, прошу, не нужно больше! Оставьте меня! Я клянусь вам, что никто больше не узнает об этой теории!

В кармане доктора зазвонил телефон. Он звонил долго и настойчиво. В тишине, повисшей в неосвещенной комнате, звонок казался особенно громким.

Арнольд инстинктивно снял трубку.

— Алло, — дрожащим голосом сказал он. — Сильвия! Я больше не могу! Прости! Ситуация вышла из-под контроля. Он все знает, прости!

В какой-то момент я подумал, что уже ничто не способно меня удивить, но я ошибся.

— Сильвия? Сильвия Сэйнтс? — спросил я. — Почему она звонит вам? Дайте мне трубку. Дайте, я сказал!

Доктор крепко зажал телефон в своей руке.

— Сильвия, дорогая! Все вышло из-под контроля! Не нужно продолжать! Он здесь! Он сошел с ума! Моя теория... Нет!

Я навалился на доктора всем телом, вцепившись руками в его шею. Профессор выронил трубку, пытаясь сопротивляться. Сквозь его стоны до меня долетали обрывки передаваемых по радио новостей. «Сегодня в центре... с крыши самого высокого... Заявил

перед тем, как спрыгнуть, что он уже делал это и не пострадал... То есть может делать все... Разбился насмерть... Личность устанавливается...»

— А как вам это? Вы слышали? Ведь это наверняка тот, кого вы разыграли вместо меня! Вы вздумали надо мной свои эксперименты ставить? Заставлять меня верить?

Я крепче сжал пальцы на его толстой вспотевшей шее. Он схватил меня за руки, пытаюсь ослабить захват.

— А знаете, профессор! Я поверил! Поверил в то, что могу нарушать эти чертовы правила! Я могу сейчас задушить вас своими руками и никто, слышите, никто не помешает мне!

Доктор смотрел на меня широко раскрытыми глазами, не моргая. Он стал хватать воздух ртом, но каждый глоток давался ему все труднее и труднее.

— Вы правы, док. — Я продолжал со всей силы сжимать его горло. — Теперь уже никто не узнает о вашей теории! Вы никому не сможете ее рассказать!

Кровь тяжело стучала в висках. Сердце бешено колотилось в моей груди. Безумный, дикий азарт наполнял меня, придавая силы.

Спустя несколько секунд Арнольд Шульц ослаб. Перестав дышать, он обмяк, развалившись всем своим телом на стуле. Я торжествовал. Я готов был плясать от легкости, охватившей меня.

Телефон профессора зазвонил снова. И снова звонил очень долго. Я не спешил отвечать. Это была Сильвия.

— Алло, — спокойно ответил я, подняв телефон с пола.

— Профессор! Что у вас там...

— Это я, Сильвия. Дэйв.

— Боже, Дэйв, а где Арнольд?

Я посмотрел на мертвое тело доктора.

— Он... он не может сейчас ответить.

— Бог мой, с ним все в порядке?

— В полном, — все так же холодно ответил я. — На самом деле его уже ничего не волнует.

— Дэйв, что с ним? Что ты с ним сделал? Я слышала, как он кричал!

— Сильвия, объясни мне, что происходит? Почему ты называешь профессору?

— Дэйв, Арнольд сказал, что с тобой что-то не так. Не нужно было это все! Не нужно мне было слушать Колина... Надо было просто сказать тебе сразу обо всем... Дэйв...

— Что, Сильвия?

— Дэйв... Я тебя люблю. Черт подери, Дэйв! Я хочу, чтобы ты был со мной! Вот и все!! Это моя женская слабость! Ну убей меня за это! Я люблю тебя... люблю...

Я слушал не в силах пошевелиться.

— Дэйв... не нужно никого ни о чем спрашивать. Не трогай никого! Хватит ломать все вокруг... Я просто хотела, чтобы ты был со мной... Мне нужно тебе многое сказать. Давай встретимся? Только, умоляю, ничего не натвори! Ты уже сделал достаточно, пора прекратить эту безумную игру...

Она плакала. Так, как когда мы расставались. Когда я оставлял ее.

— Хорошо. В полночь. На бумажном складе, том, что по левую руку от Южного шоссе, на въезде — не хочу заезжать в город. Мне больше нечего там делать.

— Конечно, Дэйви... В полночь... Я буду там...

Я положил трубку.

Аккуратно открыв дверь, я огляделся по сторонам. По центральной лестнице поднималось несколько человек. Я слышал их встревоженные голоса. Чтобы не встретиться с ними, я проскочил по запасной лестнице и стремительно зашагал к выходу. В тишине университетских стен раздался истошный женский крик.

Бумажный склад назывался так потому, что лет десять-пятнадцать назад его активно использовали под временное хранение картона и бумаги, которые перевозили с крупнейшего завода в стране на западе штата в восточном направлении. Удобное расположение города и пересечение основных автомобильных и железнодорожных магистралей делали транспортировку бумаги более дешевой и быстрой. Но около десяти лет назад завод начал стремительно терять в доходах — благодаря развитию электроники и хлынувшему после отмены пошлин импорту — и в конце концов обанкротился. Теперь склад пустовал, и городские власти все еще решали, как его можно использовать.

Склад занимал огромную территорию, которая была обнесена забором из металлической сетки. Значительную часть склада занимали пустовавшие ангары, перед которыми располагалась огромная площадка, освещаемая прожекторами, несмотря на отсутствие здесь каких-либо ценных грузов. По другую сторону открытой площадки стояли большие железнодорожные контейнеры, над которыми возвышалось несколько кранов.

Я медленно, с выключенными фарами приблизился к въезду на территорию. Ворота, как и всегда здесь в последнее время, были открыты. В центре площадки стояла машина Сильвии. Было видно, что Сильвия очень нервничала — она курила, часто затягиваясь и постоянно оглядываясь по сторонам. Завидев меня, она выпрямилась и отбросила сигарету.

Я подъехал ближе и, остановившись метрах в десяти, вышел из машины. Сильвия попыталась улыбнуться. Редкие крупинки снега падали на ее светлые волосы. Она потирала руки, чтобы согреться.

— Дэйв! — крикнула она.

Я подошел ближе.

— Как я рада, что ты появился! Дэйв, только пойми, прошу тебя! Я хочу тебе добра! Я хочу, чтобы у тебя было все хорошо! — Она разревелась.

Я уловил среди ангаров и контейнеров какое-то движение. Холодок пробежал по моему телу.

— Стой! Не с места!

Внезапно из-за ее машины высунулось человека четыре в полицейской форме. Я увидел, как справа, отсекая путь, начала передвигаться группа спецназа. Слева, с крыши контейнеров показалось несколько человек с автоматами.

«О! — подумал я. — Ловко они меня осадили...»

— Bravo! — закричал я Сильвии. — Такова твоя любовь?!

— Боже, Дэйви! Они желают тебе добра! Они просто хотят с тобой поговорить!

Из темноты ангаров к Сильвии подошел рослый мужчина в шляпе и длинном сером плаще и приобнял ее за плечи.

— Сильвия, спасибо. Дальше мы разберемся сами. Вы поступили правильно. Это лучшее, что вы могли сделать для него.

Затем он попросил отойти ее в безопасное место.

К Сильвии оттуда же, откуда выходил человек в плаще, выбежала пара человек в бронежилеты и в касках, и, взяв под руки, они увели ее в темноту.

Мужчина повернулся ко мне.

— А вы, я полагаю, мистер Дэйв Адамс, не так ли?

Я стоял, спокойно наблюдая за происходящим.

— С кем имею честь?

— Детектив Ричард Хэнкок, сэр. У меня есть к вам несколько вопросов. Если не возражаете, конечно.

— Оставьте ваши полицейские манеры для мальчишек из детского сада! Что вам нужно?

— Хорошо, сэр. Перейду к делу. За последний день ваша фамилия стала самой обсуждаемой в нашем участке. Сначала к нам обратилась миссис Олбридж. За ее

несвязным и очень эмоциональным рассказом мы поняли, что ей прилично досталось от вас, мистер Адамс! Сейчас она в больнице Святого Джеймса. Можете зайти потом как-нибудь, навесить, если будет желание! У нее несколько сломанных ребер, ссадины по всему телу, а еще она в шоке. Но это пройдет, вы не переживайте! Парой часов спустя мне лично позвонил мистер Кертис. Я знал его — учился в одном университете. Роберт Кертис поделился опасениями насчет вас, уж больно резки вы с ним были. Спрашивал моего профессионального совета. Я сказал — конечно, блокирование телефона и кредитной карты было лишним, но что сделано, то сделано. А еще спустя час к нам в участок завалились ребята из патрульной бригады и начали наперебой рассказывать, как они преследовали синий «форд». Наизабавнейшая история, мистер Адамс, вам не кажется? Но это не конец. Хотите продолжение?

— Валяйте, детектив! — холодно ответил я, оценивая количество людей в форме и их позиции. Полицейские расползлись вокруг, словно тараканы на заброшенной ферме.

— Не прошло и двадцати минут, как к нам обратился менеджер заправочной станции, который утверждал, что у него только что был какой-то ненормальный, обещавший его убить. Ну да ладно. Бог с ним. У страха глаза велики. Хотя камеры наблюдения зафиксировали там вас и вашу машину в это же самое время. И наконец, вишенка на этот замечательный торт из приключений — пару часов назад мне стало известно об убийстве профессора Арнольда Шульца в Южном университете. Отгадайте, чей автомобиль заметили там охранники?

Детектив говорил спокойно и ровно. Я знал эти приемы. И знал, что он говорит так, потому что уверен — я никуда не денусь. А вот это мы еще проверим.

— Впечатляет, детектив! Только в первую очередь на вашем месте я бы задал вопросы ему! — громко крикнул я и показал в темноту за спину детектива, между машиной и ангарами.

Все невольно повернули голову туда, куда я показывал. Едва освещаемый отблеском прожекторов, там стоял Колин Вудроу. Воспользовавшись моментом, я ринулся к ангарам, намереваясь скрыться среди нагромождения металлических конструкций.

— А ну стой! — закричали мне вслед.

Не оборачиваясь, я летел сломя голову по выбранному пути. Я слышал, как сорвался с места спецназ. Видел, как замигали указатели лазерных прицелов передо мной. Оказавшись перед первым препятствием, я буквально взлетел на него. Перемахнув, бросился в проем между контейнерами. Полицейские тяжело бежали за мной по пятам. Сердце ритмично стучало в моей груди. Все тело работало на выживание. Мозг моментально выбирал нужный маршрут, мышцы стремительно выполняли его приказы. Моей главной задачей было добежать до ограждения — до него оставалось не многим более ста метров.

— Детектив! — кричали мои оставшие преследователи. — Уйдет ведь! Мы вынуждены открыть огонь!

— Не стрелять! — доносилось откуда-то сзади. — Не стрелять, я сказал!

Впереди оставался последний высокий контейнер, с которого можно было, хорошо разогнавшись, перемахнуть через трехметровый забор. Я тут же, не раздумывая, взобрался на него по бочкам и каким-то металлическим коробкам.

— Вон он! Мы его видим! Уйдет ведь! Стреляем!

На мгновение я остановился на краю, расправив руки и повернувшись лицом к преследователям.

— Вы ничего не сможете сделать мне! Ведь я могу нарушать...

Раздалось несколько громких хлопков, после чего я почувствовал сначала мощный удар куда-то в область груди и ног, а потом безумную боль. Удар был настолько сильный, что сбил меня с крыши. Пролетев несколько метров, я тяжело рухнул на землю. Сквозь шум в голове я слышал, как полиция пыталась пробраться к тому месту, где я лежал.

— Боже, да тут все завалено! Давай в обход! Попробуем через ангар! Господи, кто стрелял? Кто дал команду стрелять? Да скорее же!

Сердце медленно успокаивалось. Что-то теплое и густое разливалось по моему свитеру. Нога и грудь дико ныли. Я попробовал подняться, но, скованный болью, смог разве что повернуть голову на бок. И увидел Колина Вудроу.

Они сидел рядом на корточках и смотрел прямо мне в глаза. Мне хотелось дотянуться до него, чтобы сделать с ним хотя бы что-нибудь. Но я не мог.

Вудроу огляделся по сторонам.

— Дэйв, Дэйв, Дэйв, — начал он. — Смотри, как все обернулось. Кто бы мог подумать? Мне казалось, все будет по-другому. Мне казалось, ты перестанешь замечать правила, но не вокруг, а внутри себя. Прости. Ты воспринял все буквально. Ты хочешь знать, почему это все с тобой, да? Что ж. У нас есть несколько минут, пока эти ленивые ищейки отыскивают выход. Думаю, это твои последние минуты. Постарайся их запомнить.

Видит бог, Дэйв, я не хотел, чтобы все закончилось так. Чтобы Сильвия осталась ни с чем, или ни с кем. Я хотел, чтобы она была счастлива. Ты удивлен? Ты думаешь, это все дело рук профессора? О нет. Все началось гораздо раньше. Я думаю, ты знаешь, что я любил Сильвию. Что я ее люблю. Но вряд ли догадываешься насколько. Наверное, так же сильно, как она любила и любит тебя сейчас. Мы многое пережили с ней за время учебы в университете. Мы строили планы на будущее. Мы мечтали. И все было замечательно, пока она не встретила тебя. Пока не полюбила тебя. О, Дэйв, ты не представляешь, как тяжело мне было. Как мое настроение менялось по несколько десятков раз на дню: я хотел покончить с собой, потом убить тебя, потом я ненавидел Сильвию, потом готов был вечно стоять перед ней на коленях.

Но вот я понял, что все, чего я хочу, — чтобы она была счастлива. Да, Дэйв. Такова настоящая любовь. И ради нее я готов был стать ей просто другом и позволить ей уйти к тебе. Такое решение стоило мне многих бессонных ночей и не одного литра спиртного.

Я начал терять сознание. Речь Колина Вудроу для меня прерывалась. Я вновь собирал все свои силы — я хотел понять, что же все-таки со мной происходило все это время.

Вудроу продолжал.

— Но спустя год я стал замечать, как она увядает, как страдает, проводя с тобой время. Страдает от того, что ты не можешь ответить ей взаимностью. Она рассказывала это мне каждый вечер, каждый день я выслушивал от нее одно и то же, одно и то же. Это все равно что резать по живому. И все дело было только в том, что ты жил по правилам, а она ждала от тебя поступков от сердца. Только в этом случае вы бы могли быть вместе. Она жила так, как хотела, но не рушила все вокруг — нет! Она ходила на работу, она отдыхала, заботилась о своих близких, хотела детей, семью. Но она не загоняла себя в придуманные рамки! Говорила то, что чувствовала, а не то, что *должна была* говорить. И того же ждала от тебя. Я не мог больше бездействовать. Вспомнил, как на одном из курсов профессор Шульц рассказывал нам: чтобы научить человека переступать правила, нужно выбрать самые сильные из них и показать, что он может это сделать. Все остальное произойдет само собой. И я принялся разрабатывать ситуации, в которых мог бы показать тебе, что правила можно нарушать. Если ты веришь. Главное было — чтобы ты поверил! Я пообещал Сильвии, что все будет хорошо, что она вновь обретет тебя...

Я нашел в себе силы спросить:

— Там, на крыше... когда я... когда ты... это все специально?

— Это было несложно, Дэйв. Там была только одна возможность — промахнуться мимо листа перед краем крыши ты не мог. Пара пружин, нагнетатель, дистанционное управление. Ерунда. Пятиклассник справился бы с этой задачей. Но ты был тогда настолько ослеплен желанием достать меня, что не обращал внимания ни на что. Фокус с

поднятием машины — пара лебедок на темной парковке; с лотереей — заранее записанный розыгрыш номеров в студии; предложение о работе — мистер Китано с удовольствием пошел мне навстречу, ведь мы знали, что ты не согласишься; вода в бензобаке — обычный дополнительный резервуар внутри. Все это было очень просто. Но очень эффективно. Сначала показать тебе, насколько тобой руководят правила, а потом заставить тебя их нарушить. Но, Дэйв! — Вудроу приблизился ко мне вплотную. — Ты не понял, что все правила придуманы только тобой и находятся только в твоей голове! Тебе нужно было всего лишь изменить отношение к происходящему вокруг! Понять это и перестать все время себя одергивать, найти те вещи, которые станут тебе по душе! А что сделал ты? Ты воспринял все буквально! Дэйв! Разве ты не знал, что невозможно разрушить каноны, по которым живет общество? Ты захотел лежать на диване? Ты захотел послать к черту директора? Ты принялся расталкивать локтями своих соседей? Дэйв! Тебе нужно было просто спокойно найти новые условия для своей жизни! Те, которые были бы тебе по душе. Но ты принялся ломать — в прямом смысле слова. Нельзя было это делать! Ты — часть общества. Система тут же начала сопротивляться. И вот блокируют твой телефон, кредитные карты, натравливают на тебя людей в форме. Им осталось только завершить начатое тобой — уничтожить физически. Уничтожить тебя! Бесполезно пытаться сломать систему, Дэйв! Тебе всего лишь нужно было перестать мыслить категориями «должен» и начать прислушиваться к своим желаниям, оставаясь в рамках общества, в котором мы все живем. Изменить отношение к людям, стать более открытым... Но ты пошел другим путем. Видит бог, я не хотел, чтобы все вот так закончилось...

Я терял сознание чаще и дольше оставался в забытьи. Я потерял счет времени. Мне казалось, я лежал тут целую вечность. Я перестал чувствовать свое тело. Перестал чувствовать боль. Уже почти ничего не слышал. Не понимал. Полицейские были совсем близко. Я их слышал. Слышал, как мое сердце, с каждым вздохом стучит все реже и реже.

Так странно все обернулось... Правила... Система... Я пытался понять, что я сделал не так. Пытался вспомнить тот момент, с которого все началось... Я сделал последний вдох и почувствовал, как мое сердце остановилось. Сознание стало стремительно покидать меня. словно я набрал воздуха и опустился на дно бассейна, привязанный цепью. Последний вдох.

Мои веки медленно закрывались. Сквозь наплывавшую пелену я видел, как Колин Вудроу оглянулся по сторонам и, едва оттолкнувшись от земли, с места перемахнул через трехметровый забор и тут же растворился во мраке. «Но... это же невозможно!..» — промелькнуло у меня в голове.

Мои глаза закрылись. На этот раз навсегда.

Ноябрь 2008 г.